

ВЕРОНИКА ТОРБАЧЕВА

# ИНАЯ СУДЬБА

КНИГА I



# **Вероника Вячеславовна Горбачева**

## **Иная судьба. Книга 1**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=29413785](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29413785)*

*SelfPub; 2018*

### **Аннотация**

В мире Просвещённого Средневековья, где Церковь и магия идут рука об руку, где сказочные существа до сих пор живут и здравствуют – происходят странные события. Юная Марта, племянница сельского кузнеца, из-за своего поразительного сходства с пропавшей герцогиней попадает в беду: её выманивают из дому, оглушают, переодевают в чужое платье, подбрасывают украденные документы – и выдают за беглянку, которую по всей провинции ищет взбешённый герцог. И ждёт её пыточная, допрос – и позорная казнь. Если только не сумеет оправдаться...

# Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	63
Глава 3	119
Конец ознакомительного фрагмента.	143

# Пролог

У герцога Жильберта Анри Рене де Бриссака де Фуа д'Эстре пропала супруга. Это бы ещё полбеда, поскольку его светлость отнюдь не пылал нежными чувствами к златокудрой Анне де Бирс де Фуа д'Эстре, красотой затмевавшей многих прелестниц его провинции, и уж как-нибудь нашёл бы силы отнестись к данной потере если не стоически, то философски. Упокойся, например, его половина в бозе или попади в грубые лапы разбойников – поверьте, суровый муж недолго бы оставался безутешен. Опять-таки, претерпи она жестокое насилие и потерю чести, да даже сдохни от чумы или, упаси Боже, угоди в подвалы инквизиции – его сиятельство и бровью не повёл бы. Господь соединил, Господь разъединил, на всё высшая воля... Только не подумайте дурного о его светлости. Дело в том, что вышеозначенный Жильберт д'Эстре был, по определённым причинам, к супруге своей, мягко говоря, холоден, а если откровенно – то одно упоминание об очередных её выходках и непристойностях заставляло светлейшего бледнеть от тихой ненависти. И тогда, пугая окружающих, наливался багрянцем безобразный шрам над верхней губой, темнели до черноты глаза цвета спелой вишни, жгучие, слегка навывкате, и дёргалась левая щека, полупарализованная давним магическим ударом, что когда-то

оставил на челе светлейшего ту самую метку, из-за коей он и получил прозвище Троегубого.

Впрочем, не будем предаваться греху словоблудия, уподобляясь бесцеремонной черни, что и святых не замедлит вынести на поругание. Сказано в Писании: «Не суди, да не судим будешь»; и ещё «Каким судом судите, таким и вы будете судимы, какой мерою мерите – такой и вам отмерят». А желающему порочить честное имя герцога и высматривать сучки в чужом глазу, напомним: брёвен в оке собственном может набраться достаточно для костерка под железным стулом в пыточных для особо болтливых. Ибо мудро сказано одним латинянином: «Язык глупого – гибель для него».

Итак, ежели бы коварная супружеская половина соизволила всего лишь сбежать с очередным любовником – его светлость с чувством перекрестился бы, возблагодарив Всевышнего, и отправил понтифику, недавно воссевшему на престол после немыслимой папессы Иоанны, прошение о разводе, подкреплённое фактами прелюбодеяний благоверной. И уж будьте уверены, фактов, как и свидетелей, оказалось бы немало. Иное дело, что герцог очень уж болезненно воспринимал любое пятнышко, грозящее разесть белоснежные крылья его репутации. Он и без того выкидывал на ветер значительную долю личного дохода для сокрытия амурных дел любвеобильной дамы. Ах, если бы она нашлась, к примеру, с перерезанным горлом в собственной – демоны с ней, да хоть и в чужой постели – образовалась бы такая

возможность – по-тихому симпровизировать вполне благопристойную кончину! Так ведь нет, подобной услуги от неё не дождёшься: блудница скверно жила – скверно и пропала.

Очень скверно. Ибо вскоре после её исчезновения секретарь герцога мэтр Фуке обнаружил, что тайник в кабинете его светлости вскрыт, несмотря на хитромудрые замки и охранные заклинания. А главное – похищены документы Особой Государственной Важности. Попадание хотя бы одного из них – а таковых набиралось тринадцать – в руки недругов, либо представителей некоторых государств, находящихся в состоянии хрупкого эфемерного перемирия с прекрасной Галлией, означало немедленную очередную войну, на которую не было ни денег, ни ресурсов. За блестящими позолоченными фасадами парадных резиденций сительных вельмож, чьи кошельки Жильберт д'Эстре беззастенчиво опустошил, дабы не одной казне нести расходы по защите рубежей, скрывалось порой такое, что поневоле стороннему наблюдателю могла прийти на ум меткая поговорка: «На брюхе-то шёлк, а в брюхе-то – щёлк»! О-о, нет, опять-таки не будем бездумно повторять за злыми языками. Блажен муж, не идущий на совет нечестивых, и да вверит он бестрепетно судьбу свою в руце мудрых и безгрешных правителей, заботящихся о нас, малых мира сего!

...Вернёмся, однако, к нашему повествованию. Выражаясь сухим канцелярским слогом, дело, поначалу определяемое как банальная супружеская измена, запахло изменой

иною толка — государственной. И то, что одновременно с Особо Важными Документами пропали фамильные драгоценности покойной матушки его светлости, в протокол тайного следствия даже не заносилось. Ибо то преступление хоть и низменное, воровское, но частного порядка, несравнимое с уроном государственного масштаба. «Найдите мне документы, — жёстко сказал герцог, — а уж со всем остальным я как-нибудь разберусь». И добавил в адрес соглядатаев, прозорливо приставленных им ранее к неверной супруге, пару-тройку слов, также не вошедших в протокол по неблагозвучности своей. Самих же шпионов приказал повесить. Впрочем, сменив гнев на милость, передумал и велел лишь выдрать хорошенько; и провинившиеся потом низко кланялись и благодарили, ибо поротые задницы заживут, а ума прибавят. Да и сами, дураки, живы, и семьи опять-таки при кормильцах...

Суров, но справедлив Жильберт Анри Рене де Бриссак де Фуа д'Эстре, да славится имя его, после имени нашего Государя Генриха, во веки веков. Аминь.

# Глава 1

Ещё не открывая глаз, Марта поняла: плохо дело. Вместо продавленного тюфяка, чьи бугры и впадины были давно изучены боками, она лежала на чём-то холодном и жёстком, будто на голой земле, а главное – со всех сторон тянуло сыростью, как в погребе. Пробуждение было непривычным, явственно чего-то не хватало, помимо какой-никакой, а всё же мягкости под рёбрами и щекой... А, вот чего – привычных звуков! Не брякала во дворе собачья цепь, не орал петух, не было слышно фырканья Гнедка на конюшне, поросычьего хрюканья и гусяного гогота. Куда-то подевались привычные звуки, без которых невозможно представить утро. А ведь оголодавшая за ночь скотина всегда первой подавала голос. Обычно, едва прочухавшись, Марта спешила к колодцу – умыться и попить, натаскать воду для всего дома и поилок. И тогда, стоило ей взяться за ручку колодезного ворота, к общему хору добавлялся пронзительный скрип высохшего щелястого цилиндра, а уж потом во двор выскакивала тётка, доить Рыжуху, но допрежь того ублажить кормилицу запаренной с вечера болтушкой. Марта обихаживала прочую немногочисленную живность. Звякал подоюник, лилась в деревянные корытца и желоба вода, выскакивали из дому и хлопали дверью нужника братики с сестрицами, кар-



кали грачи и шумно хлопали крыльями, срываясь в полёт с вознесённых к небу гнёзд на тополиных кронах.

Вроде бы вот оно, утро – и пора вставать, хоть ломит со вчерашнего позднего сиденья с рукодельем спина, но надо браться за привычные домашние хлопоты. Однако странная тишина, царящая вокруг, настораживала. Да что там – пугала до чёртиков.

Где-то неподалёку узнаваемо застрекотала сорока, которой вроде бы делать здесь нечего: дядюшкину кузню из-за шума и дыма птицы всегда облетали стороной. Но вот после стрекотуни выдал сухую трель дятел... С предчувствием чего-то нехорошего Марта, наконец, разлепила веки – и заморгала. Почему так светло? Проспала? Или сподобилась заснуть среди бела дня, когда все добрые люди работают? А солнце-то какое, бьёт прямо в глаза... Она невольно заслонилась ладонью. И вдруг её так и пробило: утро-то давно миновало! Ну, конечно, как это вообще можно было забыть? И поднялась она, как положено, чуть свет, и всю работу, что назначена, давно управила, и даже успела ополоснуть руки, собираясь подсесть со всеми к столу, как ей сунули кусок краюхи – пожевать дорогой – и наказали быстренько куда-то сбегать... Вот только куда? Она хорошо помнила, что торопилась: ведь тётка пригрозила, ежели замешкается, оставить без завтрака и без обеда. А очень уж хотелось, до тягучей слюны во рту, получить хоть две-три ложки горячей пшённой каши, что уже допревала в печи, наполняя избу и сенцы

сытным духом: ведь днём и ночью подводило живот, каши бы ему... Она и заспешила. Куда? Божечки, отчего же никак не вспомнит?

Щурясь от бившего в глаза света, Марта приподнялась было на локте, но от непонятной слабости вдруг повело в сторону; и отчего-то резко потемнело вокруг, будто кто захлопнул ставни. В затылок при этом ощутимо стукнуло. Зашипев от боли, девушка отпрянула назад, снова угодив в световое пятно, зажмурилась, потянулась к голове. Боязливо прощупала. Под пальцами наливалась здоровущая шишка. Господи боже, кто же её так? Или сама приложилась в беспамятстве?

При новой попытке подняться она опять угодила в темень, но не вся, только бок и голова, а оставшееся на свету плечо отсвечивало неестественно белым. До Марты, наконец, дошло: она сидит прямо в снопе света, льющего из окошка где-то под потолком... Впрочем, не таким уж и высоким. Сидит на самой границе солнечного пятна, оттого-то один бок припекает, другой – холодит. И попала она в какую-то чужую избу, даже не в избу, а в развалюшку, прямо сказать, пустую, заброшенную, потому что жилым духом здесь и не пахнет. Даже мыши не скребутся в подполе. И есть ли тут вообще дверь? Впрочем, когда глаза привыкли к полумраку, Марта её углядела – низенькую, скособоченную, зияющую крупными щелями, рванулась было бежать из непонятного места, но, осев, сморщилась от боли. Каждое движение отдавалось буханьем в затылок.

Значит, как бы ни хотелось унести ноги, подниматься надо было не спеша, аккуратно. Кто знает, какая у неё там рана, вдруг откроется, и пока до дому доберёшься – кровью истечёшь. Сейчас-сейчас...

Окошко-то махонькое, пустое, даже пузырьём не затянуто, просто дыра, прорубленная под крышей; отсюда, с пола ничего из неё не разглядеть. Можно только понять, что день на дворе, да в разгаре. Птицы щебечут, деревья шумят... Да ведь много деревьев-то: вот пронёсся ветер – и сразу мощно зашелестела листва да мелкие осыпающиеся ветки. А где-то неподалёку отчётливо прохрюкал кабан, ломаясь, похоже, через кусты, а вслед за ним затопали, завизжали кабанята. Хрюканье постепенно отдалялось, стихало. Неужто она в лесу?

В груди противно тряслась какая-то жилка. Остаться на месте было страшно, бежать – ещё страшнее. Как её сюда занесло? Почему она спала, да так крепко, что даже не почувствовала, как ударилась? Немыслимо!

И вдруг, похолодев от догадки, Марта едва не завывала в голос. Да ведь не сама же она себя так, по затылку-то приложила; не иначе, сзади огрели! Вот как раз, когда она решила угол срезать и побежала краем леса – кто-то выскочил из кустов да жажнул её дубиной или палкой, много ли девке надо? Ведь поговаривали, что неподалёку разбойничья шайка промышляет по ночам. А её, дуру беспечную, аж белым днём отловили, прихлопнули, затащили сюда и наверняка насиль-

ничали – чего ещё от плохих людей ждать. Ладно, хоть не убили...

Она всхлипнула и тотчас в страхе зажала рот ладонью. Не реветь! Ни за что, вдруг *они* близко и прямо сейчас вернутся – чтобы ещё раз позабавиться или, чего уж там, порешить... Затаив дыхание, прислушалась. Нет, тихо, разве что кукушка кукует да дятел стучит снаружи. Вроде бы человеческих голосов не слышно. Ушли...

Марта перевела дух.

Что же делать?

Уже понятно, самое дорогое, что есть у девушки, она потеряла. Свершилось. Значит... хватит размазывать сопли. Ей, бесправной сироте, рано или поздно не миновать было такого позора. И без того удивительно, сколь долго она себя сохраняла, обидно только – для кого? Охохонюшки... Однако нечего теперь рассиживаться, пора как-то возвращаться и хорошо бы – хоть с виду нетронутой, тогда, глядишь, никто ни о чём не догадается. Ну, опоздает, попадёт под тёткину ругань, останется без обеда... потерпит, ничего страшного. Придумает по дороге, что наплести.

Главное – жива. Спасибо, Господи, что хоть от смерти сберёг!

Куда же всё-таки посылала её тётка Джованна? Кажется, что-то забрать и кому-то принести. А она вот вернётся домой с пустыми руками, потому что даже ума не даст, чего от неё хотели. Запилит тётка-то, ох, запилит, что без ничего

пришла, а ещё больше осердится, ежели платье будет попорчено. Цело платье-то? Не порвано? Без пятен? А то выставит сейчас всем напоказ свой грех невольный, и тогда уже ни дядя, ни пастор не помогут, никто не посватается. А не прикроешь позор замужеством – пойдёшь по рукам. Значит, нельзя, чтобы люди хоть что-то заподозрили.

Марта в очередной раз попыталась приподняться – и замерла, прислушиваясь к себе. Странно... Девушки говорили, что после близости, особенно в первый раз и не по согласию, здорово всё болит – и переднее место, и заднее порой, поэтому она уже приготовилась к новой боли, которая, как иногда бывает, когда притерпишься, о себе не даёт знать, а чуть двинешься – и вот она. Оказывается, зря. Ныла разве что зашибленная голова, но это – не позорно, это можно как-то объяснить. И к неприятным ощущениям добавилось одно: при глубоком вздохе дышать было... несвободно, будто её чем-то тесно перепоясали, да и грудь замотали. А вот женское место – нет, не болело ни капельки, ни саднило, ни жгло. И... сухо там было, ей-богу, сухо... Марта, хоть и девушка нетронутая... была, до сего дня... но наслушалась про эти дела от подружек, да и трудно в деревне жить – и не знать, как *это* происходит и что бывает. Мужское семя непременно изливается, и была бы она сейчас вся испачканная в какой-то гадости... Неужто её не тронули? Тогда для чего оглушили, уволокли в избушку? Денег требовать? Она не богачка, чтобы выкуп с неё или родни трясти. Ну да, ли-

цом, может, и сошла бы за знатную, а всем остальным-то... Уж года два, с той поры, как начала расти грудь, Марта старалась натягивать на себя не те нарядные тряпки, что подсовывала тётка, а что-нибудь постарее да поплоче, а когда называли неряхой – прикидывалась дурочкой. Только, кажется, это не всегда помогало.

В затылок снова стукнуло. У неё было странное состояние – и понимала всё, и словно её уносило временами куда-то. Тошнило. Попить бы...

И всё же – обесчестили её или нет? Убедиться, что и впрямь осталась невинной, можно было лишь одним способом – проверить, нет ли на известном месте и на ногах крови. И на юбке особенно, а то ведь вот оно, позорище... Она потянула на себя подол – и ахнула, только сейчас поняв, во что одета. Вместо привычной грубой холстины замызганного повседневного балахона рука смяла нечто гладкое, белое, приятное на вид и на ощупь, так похожее на господские платья, в каких щеголяла баронская племянница и её редко наезжающие гости. Однажды Марте случилось с ней встретиться, с племянницей-то, когда обе ещё соплячками были, то-то нагладелась... Впрочем, маленькую баронессу никто не посмел бы назвать соплячкой, даже собственный злющий дядя, чтоб ему...

Со страшным бароном было связано что-то нехорошее, но память Марты снова напрочь перемкнуло. Да и не до того стало. Разволновавшись, она кое-как приподнялась на ко-

ленки, затем, наконец, встала во весь рост, хоть её и вело малость на сторону, и оглядела, ощупала себя, как смогла. От увиденного совсем поплохело.

Наряд, оказавшийся на ней каким-то чудом, и впрямь был господский: из самого что ни на есть атласа, затканного белыми розами. Края коротких, чуть ниже локтя рукавичков, пенились кружевами, а на широченные юбки пошло столько материи, что можно было бы, пожалуй, нашить рубашек и штанов для всех Мартиных двоюродных братцев. Жалость-то какая: юбки-то все белые, а по низу грязью уляпаны... Дура, себя пожалей, в сердцах одёрнула Марта и снова взялась было за подол, как вдруг на левой руке ослепительно вспыхнула, попав в луч света... звезда. Так ей показалось. Нервы, и без того натянутые, не выдержали, и Марта взвизгнула и затрясла кистью, словно на пальце у неё засел мохнатый паук-крестовик. Прозрачные, как вода, грани звезды, обрамлённой махонькими лучистыми брызгами-камушками, переливались на солнце всеми цветами радуги, так и крича о своей бешеной стоимости, оттягивая собой и тяжёлой вычурной золотой оправой руку к земле. Не в силах отвести от этого страшного богатства взгляд, Марта тихонько заскулила. Она-то, простота, боялась, что её изнасиловали, а всё, оказывается, гораздо хуже! Так плохо, что дальше некуда!

Девушка в отчаянии пыталась снять кольцо, но то будто заколдовали: оно лишь обдирало кожу да больно кололось

оправой, словно ярясь из-за того, что от него добровольно отказываются. Да ведь никак нельзя его на себе оставлять! С потерянным девичеством ещё можно жить, но с чужим перстнем, да таким богатым... Ведь теперь получается, она – воровка! Её найдут, арестуют, отвезут в городскую тюрьму, а на другой день на рыночной площади отрубят руку и заклемят вдобавок. Жизнь кончена. Кто ей поверит? Попробуй, объясни, как к племянке кузнеца, вечно оборванной и в лохмотьях, попала настоящая драгоценность. Нашла? А кто потерял? Господа-то все в замке живут, по селу не бродят, чтоб такие цацки случайно ронять... Получила от кого-то за ласки? Признайся, от кого; но только кто ж тебе поверит? Даже знатные сеньоры, что к барону наезжают, выбирают девок покрасивше и не таких ломак, да и расплачиваются не золотом, и не с ними. Пастор Глюк первый же уличит её во лжи. А если уж законный владелец кольца объявится...

Бежать. Домой, за кусточками, потом огородами, чтоб никто не заметил. Найти в кладовке кусок сала, натереть палец – и уж тогда кольцо снимется, непременно! Марта метнулась к низкой двери и едва не растянулась, запнувшись. С ноги слетела туфелька, тоже явно господская, беленькая, с бантами, на высоком вычурном каблучке, к которому селянки непривычны. Мало того, что на ней чужое платье – её ещё и переобули! И это не всё: подобрав юбки, Марта узрела на ногах белые тончайшие чулочки, прихваченные ниже колен подвязками.



Ей снова захотелось завывать. Куда она собралась? Домой? В господской одежде? Да уж лучше голышом! Мало того, что перстень, явно украденный, выдаст с потрохами, так ещё и каждый встречный-поперечный привяжется: откуда ты, кузнецова племянница, бежишь, такая разряженная? Кого раздела? Или прикопала какую-нибудь проезжую барышню в овраге, или сама в шайке? Люди, тут нечисто, к барону её! На суд!

Она пропала. Она пропала. Она пропа...

Сидя на холодном земляном полу, Марта раскачивалась из стороны в сторону, взявшись за голову, и в отчаянии бормотала одно и то же: «Я пропала...» Оттого и не слышала, как отряд рейтаров окружал лесную поляну с её избушкой-убежищем, как сомкнулась цепь вооружённых людей. Опытные наёмники действовали бесшумно: не бряцали оружием, не переговаривались. План поимки государственной преступницы был обговорен и вбит в голову каждому ещё с час тому назад, в деревне, после того, как местный пастушок, оглядываясь, не видит ли кто, сообщил капитану, что, кажись, заметил ту самую беглую девк... даму, которую третий день ищут. К лесной заимке вроде как брела да спотыкалась, видать – вымоталась вся. Пастушка опросили подробнее, сунули в зубы пару серебрушек – награда знатная за десять слов – да пригрозили отобрать, если узнают, что соврал. Обговорили, как действовать: доходят без шума, смотрят, нет ли кого поблизости – вдруг у беглянки назначена встре-

ча, хорошо бы повязать всех сразу! Не исключено, что будут выставлены часовые, ведь число сообщников неизвестно, поэтому – по сторонам поглядывать, зря не рисковать. А главное – брать всех живыми.

...Дверь распахнулась, едва не снесённая с петель сильным ударом. Марта зачарованно, не в силах двинуться с места, как в страшном сне, смотрела на чёрный силуэт мужчины, облачённого в доспехи. В спину ему светило солнце, лица было не разобрать, лишь блеснули белки глаз, странно отливающие синим. Ужасный человек надвигался, как рок. Судьба. Смерть.

Лязгнуло вынимаемое из ножен железо.

– Подымайтесь, ваша светлость, – спокойно сказал приятный мужской голос. – Именем закона – вы арестованы.

\* \* \*

Возок был закрытый, душный, на высоких колёсах со странными упругими накладками. Не трясся, не выматывал душу, а мягко покачивался; однако после получаса такой езды Марту замутило. Впрочем, хуже всего была даже не тошнота, ранее неведомая крепкой деревенской девушке, и не то, что с неё всю дорогу не спускал глаз рослый мужчина в кирасе и при тяжёлой трёхгранной шпаге, такой внушительной, что на клинок, как на вертел, можно было наколоть и без того насмерть запуганную девушку. Самой скверной

была деревянная груша во рту, которая, казалось, с каждой минутой всё больше распухала от слюны, и ту приходилось сглатывать. И ещё – тошнотворный привкус дёгтя и чужих ртов, и впивающиеся в скулы тонкие кожаные ремешки, туго стянутые на больном затылке и не дающие кляпу отпасть, если попытаешься вытолкнуть его языком.

Из-за этого-то кляпа она не то, что оправдаться – пикнуть не успела. Там, в избушке, сообщив, что она арестована, незнакомец чуть посторонился, и в дверцу протиснулись ещё два дюжих молодца. Потеряв от страха дар речи, Марта попыталась отползти, но её живо подхватили под руки и выволокли из халупы на белый свет, на зелёную траву, выставив на обозрение двух десятков вооружённых мужчин, что к тому времени окружили поляну. Куда бы Марта ни повернулась – в голову ей глядели дула пистолетов.

Статный и мужественный капитан рейтаров бесстрастно оглядел бледную, как мел, девчонку, хватающую ртом воздух, и пожал плечами. Дело есть дело. Он лишь выполняет свой долг. По его знаку один из державших Марту, стянув зубами перчатку, резко и больно ткнул острым грязным ногтем под нижнюю челюсть, а когда та, невольно ахнула – умело загнал в приоткрывшийся рот деревянный шар, на шершавых боках которого имелось уже немало отметин. От чужих зубов. Затем, не давая опомниться, споро перехватил девичьи руки верёвкой.

– Сожалею, сударыня, – в учтивом тоне капитана не было

ни грана издёвки, – но, согласно указаниям вашего супруга, вам запрещено говорить, а нам – слушать всё, что вы можете высказать. Причины вы и сами знаете. Будьте благоразумны. Следуйте за нами и не пытайтесь бежать, вам не уйти. Антуан и вы двое, общитесь дом, остальные разбейтесь на тройки и прочешите ещё раз округу. Первый, кто найдёт бумаги, получит особую благодарность от господина герцога.

Свет так и погас в глазах Марты. От герцога? Какие бумаги? Какой супруг? За кого её приняли? Мыча и дёргаясь, она пыталась протестовать, но солдаты встряхнули её, а один – несильно ткнул кулаком в бок.

– Отставить, – негромко приказал капитан. – Руки не распускать. Её светлость – дворянка, и пока не осуждена – пользуется привилегиями своего сословия. Держать, но не бить. Сударыня, рекомендую успокоиться и вести себя достойно, не провоцируйте моих людей.

– Ваша милость! – окликнули его из лесниковой избушки. – Пройти не изволите? Нашли кое-что!

У Марты голова шла кругом. Как её только что назвали? Ваша светлость... сударыня... Какая ещё светлость? Единственный человек, кого в деревне и даже в баронском замке называли «его светлостью» – с почтением, ненавистью восхищением или завистью – был герцог Жильберт Анри Рене де... в общем, столько имён, что не упомнишь. Но кто он – и кто она? И что этому всесильному герцогу до ничтожной селянки, про которую он и слыхом не слыхивал? Что за муж

ему нажаловался на свою нерадивую супругу?

Да ведь это она! – озарило Марту. Она, злодейка, чья-то провинившаяся жена, которую все ищут; подкараулила её, похожую девушку... Не сама, конечно, наняла кого-то за деньги, потому что госпожи все слабенькие, такие по голове как следует и не огреют. И уж конечно, не перетащат с лесной дорожки в домик: Марта, хоть и маленькая, но увесистая. Эта беглая жена передела её в своё платье, чтобы уж точно за неё приняли, и навела погоню! Девушка мычанием попыталась привлечь к себе внимание, но добилась лишь того, что один из приставленных часовых снова врезал Марте под дых, на сей раз, от души.

– С-сучка благородная, – только и прошипел. Но вдруг вытянулся в струнку и равнодушно уставился в небо, не обращая внимания на задыхающуюся от боли девушку. Причиной его внезапной сдержанности был возвращение капитана.

– Предупреждаю... – сухо сказал тот в пространство, но рейтар почему-то сразу понял, что обращаются к нему.

– Виноват. Забылся. Больше не повторится, кэп... капитан.

Бросив на подчинённого внушительный взгляд, офицер пристроил на ближайший пенёк небольшой ларец, вынесенный из развалюхи. Откинул незапертую крышку, бегло просмотрел содержимое. Судя по нахмуренным бровям – остался недоволен.

– Здесь десять свитков, сударыня, – обратился он к плен-

нице. – Я не спрашиваю о судьбе оставшихся трёх, вряд ли мы найдём их поблизости, но рекомендую в скором будущем не запирайтесь и сообщить своему супругу, кому вы их передали. Послушайте добрый совет: будьте откровенны. Мне даны полномочия уведомить, что чем благоразумнее вы себя поведёте, тем легче будет ваша участь.

...Вот такое чудовище сидело сейчас напротив Марты и зорко отслеживало каждое её движение.

Почему чудовище? Потому что только такой человек мог, не поведя бровью, распорядиться убить единственного Мартиноного защитника. Когда возок с ещё не зашторенными окнами проезжал по единственной сносной дороге через деревню, чуть ли не под колёса выскочил пастор Глюк, взъерошенный, потерявший где-то широкополую шляпу, перепуганный насмерть.

– Во имя Господа! – расслышала Марта через закрытую дверцу. – За что её взяли? Это же невинная девица, у нас все её знают! Она ничего дурного не...

Капитан приоткрыл дверцу.

– С дороги, святой отец. – По его знаку двое молодцов подхватили пастора под руки. – Вы обознались. Нами задержана беглая преступница.

– Какая же это... Это же Марта, племянница здешнего кузнеца! Офицер, тут какая-то ошибка!

– Это вы ошибаетесь, господин пастор. Её личность установлена и обсуждению не подлежит. Ищите свою прихожан-

ку в другом месте, святой отец.

– Но... но... как же так... Вы не можете без разрешения господина барона... – Пастор попытался даже схватиться за оглобли, словно надеясь хилыми руками остановить возок. – Господин барон де Бирс, её хозяин, он будет очень недоволен...

– Убрать, – коротко бросил капитан. Захлопнул дверцу, быстро задёрнул кожаную плотную штору в окне, затем то же самое сделал с противоположным. Снаружи раздался странный хекающий звук, тонкий вскрик... Военный поморщился, но ничего не сказал. У Марты же дыбом встали волосы на руках – она вдруг поняла, что пастора Глюка больше нет. Его убили. За то, что пытался заступиться – пусть она и не ожидала, видит Бог, заступы именно от него, но ведь поди ж ты... И хотя причин любить священника не было – разве он заслужил, чтобы его рубанули шпагой?

А она? В чём она провинилась? Какая-то богатая бездельница накуролесила, а потом взяла и подсунула вместо себя её, ни в чём не виноватую! Девушка невольно всхлипнула. Всю жизнь она отбивалась от людских нападков: незаконнорожденных нигде не любят и то и дело норовят поддеть. Но она привыкла огрызаться или отвечать умным словом, иногда молчать и терпеть, в зависимости от обстоятельств. Но никогда ещё не чувствовала себя столь беззащитной. На мальчишек можно было пожаловаться дяде – но Марта предпочитала лупить обидчиков сама, и никто ещё не проболтал-

ся, что девка ему синяков понаставила, стыдно было. От домогательств пастора Глюка спасало терпение и способность хранить деланное равнодушие. Но так, чтобы полная безнадёжность впереди – такого ещё не случалось.

Никто больше не заступится. Никто. Дядя Жан ничего не знает, да если и скажут ему, что её увезли – поди догони этот возок... Нет, не надо догонять, она не хочет, чтобы дядюшку постигла та же участь, что и пастора. Ей придётся защищаться самой, как умеет. Только бы дали заговорить!

Она же простая крестьянка, неужели по ней не видно? Ах, да, платье... Но ведь не слепые же они, те, кто её ищут! Должны быть глаза у этого остолопа-мужа, к которому её везут! Пусть платье на ней господское, личиком она... не уродина, действительно, могли и за дворянку принять... Ой, как же она забыла, ещё и бумаги какие-то при ней нашли! Но капитан, должно быть, и в глаза не видал той, кого ищет, знает только по рассказам, а вот доставят её, Марту, к тому, кто велел сыскать, тот глянет – и сразу скажет: кого вы мне тут подсовываете? А ну-ка, везите обратно!

Марта сникла.

Было ей от роду семнадцать лет. Взрослая уже девица, перестарок, как говорят, а всё в сказки верит. Разве господа отпустят девушку просто так, не поизмывавшись? Нет, не быть ей больше в девушках, не судьба...

Она с трудом сглотнула слюну – даже за ухом что-то щёлкнуло – и попыталась украдкой размять занемевшие кисти.



Пальцы затекли, и чужое кольцо теперь больно впивалось в безымянный.

– Прошу прощения, сударыня, – словно очнувшись, неожиданно заговорил капитан. Наклонившись – девушка от страха сжалась в комок – ловко и быстро, несмотря на полумрак, царящий в возке, нашарил и развязал ремешки, аккуратно вытащил кляп и даже соизволил платком вытереть Марте подбородок от подтёков слюны. Тщательно протёр деревянную грушу, швырнул в сумку на пояс.

– Это была временная мера, скажем так – показательная. Не хотелось бы использовать её на всём пути нашего следования. Вы меня хорошо поняли? Ни слова с вашей стороны без необходимости, ни в моём присутствии, ни в присутствии солдат. Если я услышу хоть что-то, кажущее подозрительным – эта вещица вновь будет пущена в ход, на сей раз – до самого вашего свидания с его светлостью. Вы обещаете молчать?

Молчать? Да всё её спасение было как раз в том, чтобы вопить на весь мир, что она невиновна! Однако Марта, перемогая себя, кивнула. Снова сидеть с унизительно раскрытым ртом, терпеть вонючую затычку не хотелось. Но лучше уж она добровольно онемееет, не век же им ехать! Её ведь потом всё равно собирались о чём-то расспрашивать? Вот тогда и заговорит...

И она стала твердить в уме оправдательную речь. Господа ведь разговаривают гладко, значит и ей нужно объяснять-

ся также, не запинаясь, упаси боже, чтобы выложить сразу и понятно. Например:

«Я Марта. Я живу в деревне Сар. Мой дядя кузнец. И я не та, кто вам нужна».

Наверное, слишком просто.

«Я Марта, простая девушка из Сара».

«Я Марта. Никакая не беглая жена, господин хороший, вы посмотрите только на меня хорошенько...»

Ой, плохо... А ну, как она действительно похожа на беглую преступницу? Но деваться-то некогда, надо подобрать и запомнить правильные слова, чтобы сразу выпалить, когда настанет нужное время.

Руки ей развязали только спустя пару часов, остановившись на каком-то постоялом дворе и спроваживая пленницу до уборной. Хорошо, с помощью не сунулись – юбки не задрали, нарушая пресловутую дворянскую честь, иначе Марта сгорела бы со стыда. Проводили в небольшой хлипкий сарайчик с дощатым помостом, зияющим двумя зловонными дырами, и заперли снаружи. Правда, не торопили, заметив, как она поводит плечами и растирает кисти, пытаясь вернуть чувствительность. Сопровождающие без стеснения журчали тут же за стенкой сортира, Марта сквозь зубы шипела все известные ругательства, что наслышалась в своё время в кузне у дяди и пыталась подобрать пышные оборки, чтобы не запачкаться в дерьме, кое-где щедро удобрившем пол. Да у самого последнего лодыря на деревне отхожее

место не в пример чище! Содрогаюсь от отвращения, кое-как пристроилась на помосте. И вот странности женской души:.. несмотря на плачевность собственного положения, ей до смерти было жалко нарядного платья, хоть и чужого...

– Хороша бабенция, – буркнул голос за стеной.

– Я б завалил, ей-бо... что скажешь, Тони? Пока кэп-то не видит. Он, поди, за тем же самым к хозяйке попёрся, успеет...

– Сдурел? – крикнул второй, судя по голосу – постарше.

– А чё?

– А то. Не положено. Кэп у нас законник, а по закону, знаешь как? Пока баба не осуждена, да ещё дворянка – она, считай, невиноватая ни в чём и под законом ходит. Боже сохрани хочь глянуть не так – по судам потом затаскает! Вот погоди, приговорят – перед исполнением на всю ночь нам отдадут, наиграешься. \

– Точно?

– Что б мне пропасть, ежели вру.

– Так ить... не одни мы в гарнизоне, и кроме нас желающие найдутся.

– И чё? Её не убудет, а куда добро беречь, если утром в расход?

Марта застыла, не успев натянуть тоненькие, отороченные кружевом штанишки. Трясущимися руками машинально завершила начатое, да так и оцепенела, завернув юбки выше колен.

– Да, вот ещё что... – голос второго, судя по всему – более опытного стража, многозначительно понизился. – Ты, брат, этого... того... хотелку-то свою пока припречь. Ишь, глаза-то замаслились! Не вздумай её щипать там или лапать, а то допрыгаешься...

– А чё?

– А то. Херцог наш, конечно, крутенёк, да, однако же, мушщина, на баб податлив; и хоть на сучку свою сердит... всё может статься. Глядишь – ублажит его, расстарается – и снова в силу войдёт, ведь он, хоть суров, херцог-то, но, сказывают, отходчив. Ну, посечёт, ну, помучает – да простит. Вот и подумай своей башкой, кого эта мамзелька припомнит, чуть в себя придёт?

– Кого?

– Болван! Того, кто её хоть пальцем тронул, пока она в немилости была; уж это как пить дать, всех соберёт, я эту породу знаю. С виду ангелица, а в душе... Сучка, одно слово. Не связывайся.

Зависла пауза. Марта, чуть дыша, оправляла платье.

– Ото ж, – неуверенно пробормотал тот, что моложе. – Всё-то ты знаешь... А ну, как не нажалуется?»

Тот, что учил товарища жизни, похоже, сплюнул.

– Я предупредил. Смотри, сам вместо неё на кол сядешь! Ему всё едино, кто на нём, честный солдат или бл...дь благородная. Не маленький, сам думай.

На пути в возок Марту пошатывало от ужаса. Ноги не нес-

ли. Капитан, глянув ей в лицо, подставил локоть.

– Обопритесь на мою руку, сударыня, – сказал учтиво и помог: и на подножку ступить, и в возок залезть. И связывать больше не приказывал, хоть по-прежнему глаз не спускал. Остаток пути Марта молчала даже не из-за угрозы кляпа, а от комка, застрявшего в горле. Значит, герцог и есть разгневанный супруг? Страшно было невероятно. И будь она в самом деле из благородных – уже давно лежала бы без чувств, ибо, по словам женщин и девушек, прислуживающих иногда в баронском замке, у барышень и у знатных дам есть такая манера – то и дело в обморок брякаться, это признак души чувствительной и нежной... А ещё корсеты виноваты, которые так сжимают, что у девочек груди не растут, как положено, а остаются крошечными. Потому-то бароны да прочие господа любят за деревенскими девками охотиться – те корсетов не носят...

К концу пути Марта устала бояться. Она тупо глядела в одну точку – на поблёскивающую в полумраке медную шишку в стене, и всё гадала – для чего она? Но вот карета замедлила ход, в окошко со стороны возницы стукнули. Капитан повернул шишечку, створка окна подалась.

– Что там?

– Посыльный от его светлости! – сообщили снаружи. – Велено передать: ждут. Проводить прямо к коменданту в кабинет.

– Хорошо, – лаконично ответил капитан. Захлопнул окон-

це и повернулся к Марте.

Противно засосало под ложечкой. Всё, прибыли? Вот сейчас-то и начнётся самое страшное? В сумраке недолго и ошибиться, но почему-то Марте показалось, что в синих глазах военного мелькнуло сочувствие. На секунду её охватило желание – рухнуть на колени, целовать руки этому человеку и умолять, умолять не вести её никуда, оставить здесь, в возке, заступиться перед страшным герцогом. Она не хочет на кол! За что? Она ни в чём не виновата! Словно угадав её намерение, военный подчёркнуто энергично положил ладонь на эфес шпаги.

– Итак, сударыня, – голос его был сдержанно-суров и непреклонен, и Марта как-то сразу поняла всю бесполезность задуманного. Этот не пожалеет. – Мы на месте. Напоминаю: вам запрещено говорить с окружающими до самой встречи с его светлостью, нам запрещено слушать, если вдруг вы не выдержите. Предупреждаю: меры в случаеслушания будут применены куда более жёсткие, чем раньше. Держите себя в руках.

Девушка молчала, чувствуя только, как в груди зарождается дрожь. Пустой живот свело. Голода Марта не чувствовала, напротив – её даже подташнивало, от дорожной тряски, от вновь зарождающейся паники; да и разбитая голова давала о себе знать.

– У вас ещё есть шанс, – неожиданно быстро прошептал капитан. – Вы слышали, мне велено доставить вас к комен-

данту? В кабинет, а не в пыточную. Значит, поначалу с вами попытаются договориться. Хотите жить – не упрямитесь. Вы поняли? – Взглянув на него дикими глазами, Марта истово кивнула. – А сейчас молчите, Бога ради. – И первым вышел из возка.

Руку Марте никто не предложил, да она и не ожидала. Не было у неё такой привычки. Подхватили с двух сторон, как тогда, на поляне, и молча повлекли через необъятный мощёный двор, в тяжёлые двери, хлопнувшие за ней, как крышка гроба, по длинному коридору, освещённому масляными лампами, мимо зарешеченной арки в подвал, и наверх, по лестнице, на второй этаж... Собравшись с духом, Марта приготовилась храбро взглянуть в лицо человеку, от единого слова которого зависело, жить ей или умереть. Но старания пропали втуне: она оказалась всего лишь в приёмной, большой, почти пустой комнате с двумя широкими скамьями вдоль одной из стен. В углу проступал фигурный торец печи, очевидно, призванной отапливать и соседнее помещение, но сейчас от голубых, безумно дорогих изразцов веяло не теплом, а холодом. То ли августовский вечер напоминал, что не за горами осень, то ли Марту лихорадило. Перед дверью, обитой медными полосами, капитан остановился. Взялся за внушительное кольцо, негромко стукнул. Дождавшись отклика изнутри, распахнул, обернулся к пленнице и сделал приглашающий жест. Сопровождающие при этом вытянулись, как на параде, словно тот, кто находился за дверью,

уже прожигал их взглядом.

Помедлив и не дождавшись действий от пленницы, капитан выразительно приподнял бровь, отступил, энергично кивнув в сторону дверного проёма. Марта скорее почувствовала, чем увидела, как рейтар справа занёс руку – наверное, чтобы подтолкнуть. Не дожидаясь, пока к ней прикоснётся тот, кто обсуждал её за стеной сортира, она поспешно шагнула вперёд. Скорей бы уж... Пусть всё решится, она больше не выдержит этого страха.

\*\*\*

В кресле напротив камина, вытянув к огню ноги в высоких ботфортах, сидел мужчина в чёрном. При Мартином появлении он даже не шелохнулся, продолжая мрачно глядеть на пламя. Красноватые отблески плясали на его лице, в полировке тяжёлого кресла, и непонятно было: то ли это живой человек застыл, как мёртвое дерево, то ли кресло под ним оживает, дышит, хочет погреться и подтянуть подлокотники к огню... Марта робко сделала несколько шажков. Остановилась. Чёрный человек повернул голову – и девушка замерла, как мышь, парализованная предсмертным ужасом перед котом.

Он был уже немолод, герцог д'Эстре, наверняка лет тридцати пяти, а то и сорока, почти старик... с точки зрения молоденькой девушки. Старый – а совсем не седой, в копне ис-



синя-чёрных волос – ни единой белой нити. Марта даже не догадывалась, сколько женщин мечтали вцепиться в эту гриву в порыве страсти; а уж сколько мужчин жаждали небрежно поднять её, отделённую от туловища, и отбросить прочь... Ей вообще было не до мыслей. Она и лица-то светлейшего разглядеть не могла, потому что от волнения перед глазами зарябили какие-то пятна.

– Итак, Анна, – обманчиво спокойным голосом проговорил всесильный герцог и наконец, поднялся, заложив руки за спину. – Ты всё-таки здесь. Не могу сказать, что рад тебя видеть. Полагаю, это взаимно. Тем не менее, объясниться нам придётся.

С каждым шагом он неотвратимо приближался, пересекая бесконечную, как Марте казалось, комнату с неотвратимостью тяжёлой ледяной глыбы, крошащей на своём пути рядовых мелких товарок. Если бы девушка знала язык жестов, она бы поняла, что руки его светлости, сцепленные в замке за спиной, чесались слишком уж сильно – в порыве либо закатить дражайшей супруге оплеуху, либо вообще придушить на месте. Потому и прятались от греха подальше.

– ... А ведь обстоятельства таковы, что тебе надо бы радоваться нашей встрече, ибо дела твои любым судом могут рассматриваться не просто как прелюбодеяние и кража, но в первую очередь как государственная измена. Каково при этом наказание – ты знаешь. Только я могу защитить тебя перед королём.

Марта открыла рот, чтобы вставить хоть словечко, но «супруг» пресёк её попытки.

– Помолчи.

Приблизился вплотную, сжав губы. Над верхней – розовым усиком тянулся рубец знаменитого шрама, из-за которого герцог и получил своё прозвище – «Троегубый». Марта не сводила с него глаз. На какое-то мгновение ей вдруг показалось, что всё это – во сне: не может такого случиться на самом деле! Никогда не встретятся в реальной жизни настоящий герцог, живая легенда – и она, простушка из забытой богом приграничной деревеньки...

– Будешь говорить, когда разрешу. Я готов закрыть глаза на твою распущенность и даже оставить тебе свободу – в определённых рамках, ибо намерен впредь установить за тобой самый жёсткий контроль. Но всё это – при условии, что ты немедленно возвращаешь украденное. Твой любовник так ничего и не сказал о тебе, скорее всего, не по стойкости – таких женщин, как ты, не выгораживают – а просто по незнанию. Думаю, он сам не прочь был бы воспользоваться результатами твоих трудов, но, к сожалению, – герцог развёл руками, – подробностями ему уже не поделить. Вынужден огорчить: его кончина не была лёгкой.

Он выдержал паузу, но, не дождавшись ожидаемой реакции, подчёркнуто недоумённо приподнял брови.

– Как! Ни слёз, ни горестных воплей о почившем? Впрочем, правильно, самое время подумать о себе. Итак, я жду

ответа.

«Вы ошиблись!» – попыталась сказать Марта, но из пересохшего горла вырвался лишь невнятный сип. Нахмурившись, герцог взял с письменного стола и протянул ей серебряный кубок.

– Вот, выпей. Не бойся, в отличие от тебя, не имею привычки травить собеседников.

Послушно хлебнув, Марта закашлялась от неожиданности: горло обожгло вином, которое она сроду не пила, разве что на причастии в церкви, да и то – оно было разбавленным и всего-то ложечка, а тут... в волнении Марта хватанула от души. Даже в глазах поплыло.

– Можно... воды? – с трудом спросила она. С непривычки хмель ударил в голову и придал храбрости. Во всяком случае, хоть голос прорезался.

– Пей, что дают, – резко ответил мужчина. – И брось свои игры, я не собираюсь тут перед тобой вытанцовывать. Анна, ты же хитрая женщина, раз уж хватило сообразительности провернуть всю эту аферу; но уже пора понять, что разжалобить меня не получится. Я жду ответа: где оставшиеся письма?

Тянуть было нельзя. Вряд ли в дальнейшем у Марты будет случай вернуть словечко, чтобы хоть как-то оправдаться. Вот тут-то и пригодились вытверженные за дорогу слова. Начало заготовленной речи покатилося на удивление гладко.

– Я не та, за кого меня приняли, – Марта заговорила быст-

ро, опасаясь, что её прервут. – Я простая деревенская девушка, господин герцог, меня зовут Марта... У меня даже прозвища нет, потому что отца нет, я незаконнорожденная, правда. Должно быть, я просто похожа на ту, кого вы ищите...

И запнулась. Слова кончились. Там, в возке, она ловко приводила доказательства того, что она – это она, а не чья-то сбежавшая супруга; но сейчас – не осталось ни единой мысли. И, на беду свою, она даже не поняла, что слишком уж пригладила свою речь, дабы не опростоволоситься. Вот эта правильность её и подвела.

– Так и думал услышать что-нибудь в этом роде, – угрюмо отозвался собеседник. – Ты совсем изолгалась, Анна. Что это за игры? Разве так говорит деревенщина? Ну-ка, скажи что-нибудь ещё. Серьёзно, скажи, что-то мне твой голос кажется странным. Тебе так старательно затыкали рот? Кляпом – или чем-то ещё?

Марта в отчаянии заломила руки.

– Вы всё равно не поверите! – вырвалось у неё. – Что бы я ни сказала!

– Вот! – Герцог торжественно поднял указательный палец. – Совершенно верно! Всегда поражался твоему неумению не замечать очевидное. Говоришь, деревенская девушка? Святая простота... – Он медленно обошёл Марту по кругу, высокий, широкоплечий, она чувствовала себя рядом с ним этакой былинкой, которую вот-вот сломают и не заме-

тят. – Ну, давай рассуждать логически. Ты выглядишь точно-точно, как моя жена; хоть и немного потрёпанная, похудевшая, но три дня в бегах – не шутка. На тебе платье моей жены, обручальное кольцо моей жены; письма, которые нашли рядом, были выкрадены моей женой... – Он возвысил голос. – И после этого ты ещё имеешь наивность... наглость, я бы сказал, заявить, что ты не моя жена? Хватит!

Последнее он словно выплюнул Марте в лицо, и та, невольно зажмурившись, пригнулась и вжала голову в плечи – ей показалось, что сейчас её ударят.

– Прекрати! – чуть ли не с ненавистью бросил герцог. – Что ты ломаешь комедию? Да я тебя ни разу в жизни пальцем не трогал! – Внезапно тон его переменялся. – Что это? А ну-ка... к свету...

Цепко схватив Марту за локоть, он поволок её к столу, на котором горели в нескольких канделябрах свечи. Повернул спиной к себе, коснулся Мартинового затылка – как раз в том месте, где волосы были испачканы красным.

– Тебя что – били?

– Я – Марта, – невпопад чуть слышно отозвалась девушка. – Меня кто-то ударил по голове. Оглушил так, что я... как это? Без чувств упала, да. – От страха она начала сбиваться и путать слова. – Я ничего не помню – кто это был, где... Пришла в себя в лесной избушке, переодетая вот в это, – дёрнула манжету рукава. – А тут – ваши люди... Всё, – выдохнула. И прижала руку ко рту, сдерживая рыдания. Она боялась, что

если сорвётся и заревёт в голос – тут-то её и побьют, наконец, или отправят в пыточную. А ещё – боялась герцога, который отчего-то молчал, и пока она говорила – всё прощупывал шишку у неё на затылке, не побрезговал проверить.

– Зная тебя хорошо, могу предположить, что ты и сама ударилась о дерево, лишь бы меня запутать, – сообщил он. И Марте стало совсем плохо. Не верит! – Или упала откуда-то – с лошади, например, а теперь выдаёшь ушиб за последствия нападения. Простая крестьянка? Большой глупости ты не могла придумать. С твоими-то изящными ручками...

Он бесцеремонно, как куклу, развернул девушку к себе, перехватив ладонь, затем другую. И умолк, изучая неумело подровненные, кое-где обломанные ноготки, пальчики, хоть и тонкие, но в заусенцах, мелкие шрамы и царапины... и твёрдые мозольки, набитые черенком лопаты. Не барские были у Марты ручки, это точно, хоть её, как хорошую вышивальщицу, работой не мучили, задавали только самое лёгкое.

– Идиоты, – сказал медленно и устало. – Кого я держу? Дали себя провести. Похожее личико, богатое платье... А на руки-то никто взглянуть не удосужился. Ноги покажи, – бросил коротко. Повторил, глянув: – Идиоты. Почему в сабо? В атласном платье – и в деревянных башмаках, ничего глупее не придумали... Почему, спрашиваю?

– Туфли были велики, – чуть слышно ответила Марта. – Слетели.

Ещё когда её поволокли к возку, господская обувь начала сваливаться с Марты при каждом шаге. Капитан рейтаров, однако, не растерялся: зорким оком углядел в кустах того самого пастушка-доносчика, жаждавшего узнать, чем всё дело закончится, дабы растрезвонить затем по всей деревне. Любопытного наградили подзатыльником, а заодно вытряхнули из башмаков, которые, к счастью, пришлись Марте впору.

– Велики? – Его светлость глянул ещё раз на её ноги. Скептически приподнял бровь. Чёрт его знает, в этих колодах не разберёшь... – Ну-ка, разуйся. Однако... Да ты и ростом кажешься чуть меньше Анны...

Заложив большие пальцы за жилет, пристально разглядывая, обошёл несколько раз вокруг девушки.

– Нет, всё-таки не пойму, Анна – не Анна... Марта, говоришь?

Со вздохом вернулся в кресло.

– Ну, давай, раздевайся, Марта.

Ей показалось, что она ослышалась.

– За... зачем?

– Затем. Врёшь ты или нет – навскидку определить затрудняюсь; вызывать каких-то возможных родственников из деревни для официального установления личности – нет времени, поскольку, если ты не моя жена, надо успеть снарядить людей на поиски... Будем проводить опознание скорейшим методом. У Анны на теле есть кое-какие отметины, которые я хорошо помню. По ним и определим. Если ничего

не найду – ступай на все четыре стороны; а найду... – Он, прищурившись, сообщил ласково: – На всё моя высочайшая воля. Я здесь и казню, и милую. Поняла?

– По... поняла, – прошептала Марта. Взялась за край лифа – и застыла, краснея.

– Так не тяни, милая. Или мне позвать солдат на помощь? Вот будет для них потеха, ничего не скажешь... Тебе ведь иногда чем больше зрителей, тем лучше?

Похоже, он упорно пытался разглядеть в ней сбежавшую супругу, несмотря на собственные логические доводы. Медлительность жертвы лишь выводила его из себя.

– Ну что ты возишься! – рыкнул он, потеряв терпение, и Марта вновь непроизвольно зажмурилась, что-то прошептала. – Что? Говори громче!

– Не могу... Завязка на спине, ваша светлость... шнуровка. Простите, ваша светлость, я её сама не развяжу.

Герцог внезапно остыл. Задумчиво посмотрел на жертву. Была ли это его родная змея подколотная или и впрямь волею насмешницы-судьбы вляпавшаяся в крупную интригу деревенская простушка, но... она была права. Снять самостоятельно, без посторонней помощи платье с тугой шнуровкой от лопаток до самого копчика не представлялось возможным, если только ты не знаменитый королевский шут Гудди, прославившийся на всю страну умением освободиться от любых пут.

– Прикажешь самому тебя раздевать? – фыркнул сердито.



Молча зашёл девушке за спину и отыскал узел, хитроумно запрятанный в специальный потайной кармашек на верхней пышной юбке. Сильно ослабив шнуровку, отвернулся:

– Дальше сама!

И отошёл – подальше от соблазна. Неопределённость положения выводила его из себя. Допрос давно сбился с намеченного плана, приходилось импровизировать; в иное время эта игра показалась бы ему интересной и увлекательной, но не сейчас. Он сам не знал, чего ему больше хочется: чтобы жертва оказалась всё-таки сбежавшей стервой – и тогда, в соответствии с озвученными недавно условиями, пришлось бы сохранить ей жизнь, сделав, конечно, невыносимой, но его честь, репутация не пострадали бы, а главное – угроза новой разорительной войны растаяла бы, как дым. Или же присмотреться к этой милой простушке, если она такова, как на первый взгляд кажется, проверить, остались ли ещё на этом свете чистые, свежие, не изолгавшиеся... Свою благоверную он ещё найдёт, из-под земли достанет, это лишь вопрос времени, а пока... Что-то зашуршало, герцог стремительно обернулся, хватаясь за кинжал. Расслабился, болван, потерял бдительность, размяк! А что, если за это время...

У него перехватило дыхание.

В ворохе упавших юбок Марта напоминала некую юную богиню, выходящую из морской пены; такую герцог однажды увидел на незаконченном полотне в мастерской одной столичной знаменитости. Впрочем, богиня вряд ли носила ко-

роткую, выше колен, сорочку, из-под которой пикантно выглядывали кружевные зубчики панталон, и уж точно на точёных Венериных ножках не красовались белые чулки, подхваченные под коленами подвязками. Его светлость аж глаза прикрыл, дабы избежать вожделения. Не помогло. Какая сволочь вздумала на неё это натянуть? Это же так... соблазнительно. Нет, как хитро продумано! Мол, была бы герцогиня фальшивая – подменным было бы только платье, но посмотрите хорошенько, приглядитесь: на этой особе ещё и нижнее бельё от лучшей швеи! Конечно, это та, которую ищут!

Глянув в широко открытые, полные стыда и отчаянья, карие глаза, его светлость словно пропустил удар кулаком под дых. Ему нужно больше доказательств. Больше. Он не купится на этот кроткий ангельский взгляд. Пусть сперва докажет свою невиновность... невинность...

– Чулки можешь оставить. – Герцог с неудовольствием отметил, что по непонятной причине охрип. – Всё остальное долой. И ближе к свету, быстро, – добавил сквозь зубы. Его реакция на Марту – Анну, черт её дери, Анну! – совершенно ему не нравилась. – Не стесняйся. Жену свою я и не в таком виде лицезрел, даже не одну, а с несколькими кавалерами, а если ты – простая деревенская девушка, как утверждаешь... В деревне ведь и нравы просты, наверняка уже кувыркалась с кем-то не сеновале, а? Признайся, было?

Это что же, теперь он ей все обиды припомнит, на жену

накопленные?

– Зачем вы так? – прошептала Марта. Но больше ничего говорить не стала. Бесполезно что-то доказывать; скорее бы это всё закончилось, ей уже всё равно, как, лишь бы закончилось... Медленно стянула через голову чужую сорочку, пропахшую душным цветочным запахом. И почему это его светлость всё время заходит ей за спину? Ненормальный какой-то. Девушки рассказывали, что мужчин в первую очередь интересует грудь, а потом уже остальное...

– Тебя что, наказывали? – Герцог провёл ладонью по вздрагнувшей от прикосновения обнажённой спине с трогательно торчащими лопатками. – Не понимаешь? У тебя вся спина в отметилах от розог, и давнишних, и свежих, кто тебя так?

– Пастор Глюк...

Голос у Марты сел. Потому что именно сейчас, стоило услышать о наказании, водворился на место кусочек памяти, рассыпавшийся в лесной избушке, и стало ясно, отчего временами горит и чешется спина. Шрамы заживать не спешили, кожа у Марты была, не в пример прочим, нежная; видеть, от неизвестного отца доставшаяся... Метки от лозины, вымоченной в солевом растворе, покрывались коростой, горели от проступающего во время работ пота, пачкали, бывало, сукровицей нижнюю рубаху. И ещё она вспомнила, каково это – быть привязанной к столбу, вздрагивать от каждого удара и ощущать, как впиваются в незащищённые груди

и живот острые выступы бывших сучков, лишь слегка сглаженные телами тех, кто здесь отбывал своё до Марты. Три столба были крепко вкопаны в земляной пол в специальной комнате при домике святого отца, три «столпа смирения и умерщвления плоти и страстей человеческих...»

– Что ты натворила? – уже мягче спросил герцог.

– Ничего. Это не... наказание. – Марту пробила дрожь. – Он всех красивых девушек порол. Особенно постом. Чтобы не соблазнялись и других не вводили в искушение.

– Не заговаривай мне зубы. Продолжаем. И бельишко снимай; у тебя как раз на попке должна быть родинка.

– Ваша светлость, – не выдержав, взмолилась Марта, пытаясь обернуться, но была жёстко удержана за плечи, – а если там действительно что-то есть? Бывают же совпадения...

Сильные мужские пальцы побарабанили по её плечу.

– Бывают. А что ты так разволновалась? Сама не знаешь, как выглядишь? Ты что, в зеркало на себя не глядела?

– Откуда у нас зеркала, ваша светлость?

– Довольно. – Окончательно потеряв терпение, герцог одной рукой перехватил её поперёк живота, пригнул к столу, а другой – сдёрнул с девушки панталончики, как с малого дитяти, которого собираются высечь. И гневно выдохнул, не обращая внимания на сдавленный писк Марты. Родимое пятно в форме сердечка было на месте.

– Ах ты... – тихо проговорил герцог, чувствуя, как глаза завлакивает багряная пелена гнева. – Ты всё-таки... и ты

осмелилась плести тут...

Ещё немного – и он убил бы её на месте. За наглую ложь. За то, что едва не повёлся на эти чудесные, кроткие, как оказалось, лживые глаза, на краснеющие ушки и плечики, на россыпь веснушек, с которыми Анна безуспешно боролась. Убил бы... И только собственная ярость дала ему понять, как же, оказывается, он хотел, чтобы эта... эта дрянь оказалась не потаскухой, а милой прелестной девочкой, свежей и незапятнанной, о которой он когда-то грезил...

Он оттолкнул Марту с такой силой, что та впечаталась животом в край стола и распласталась на столешнице, как лягушка, а сам навалился сверху. Она даже не успела понять, что происходит, а железные пальцы уже сомкнулись на её шее, пригвоздив, не позволяя поднять головы. Что, что он увидел? Чем она его прогневала?

– Не дёргайс-с-ся, – от злости светлейший зашипел, как разъярённый питон. – Лживая дрянь...

– Ваша светлость! – придушенно вскрикнула Марта, поняв, что вот сейчас и произойдёт непоправимое. – Не надо, пожалуйста! Я девственница!

– Молчи! – коротко и страшно рыкнул он, заламывая ей руки за спину. Ещё немного – и он вывернул бы их из суставов, и никакая дыба не понадобилась... В дверь сильно ударили. Марта зарыдала в голос.

– Ваша светлость, – послышался голос синеглазого капитана. – Вы просили предупредить, если чересчур расшуми-

тесь.

– Вон! Убью! – коротко выдохнул мужчина, ещё сильнее придавив девушку. Рыкнул – и только сейчас воспринял её последние слова.

Бог мой... Анна, конечно, притворщица... но такого не сыграешь.

Стиснул зубы.

Вынул себя ослабить хватку.

Приподнявшись, залепил себе пощёчину. Боль отрезвила, привела в чувство.

– Винсент! – окликнул гневно. – Ты ещё здесь?

– Да, ваша светлость, – отозвался из-за двери капитан. – Я вам ещё нужен?

– Нет. Иди. Я в порядке.

Герцог шумно вздохнул и перевёл взгляд на распластанное под ним, дрожащее тело. И ведь убил бы... Вот из-за подобных вспышек его и боятся. И ходят о нём различные слухи. Да пусть боятся, лишь бы подчинялись, но не всегда оно к месту. Кажется, он перепугал девчонку до смерти. Неужели и впрямь – невинна?

Потёр лицо ладонями. Третьи сутки на ногах, демоны дерги его дражайшую беглую половину, не удивительно, что сорвался. Надо взять себя в руки. Осталось недолго.

– Ну, ну, Марта, – погладил девушку по бедру. – Всё, я не сержусь. Не бойся.

Она приподняла голову, попыталась обернуться – да так

и замерла, боясь лишним движением вызвать очередную бурю. Думала, что ко всему готова, а оказалось – чуть не умерла только от намерения герцога, что же будет, когда он приступит к делу? Ведь наверняка теперь не остановиться: уже и раздел, и разложил под себя, сейчас просто успокоит, чтобы не дёргалась и не мешала получать удовольствие... И продолжит. На всё его высочайшая воля. Он тут царь и бог. Вздумает Марта сопротивляться – позовёт солдат, один раз уже грозился...

Обречённо закрыла глаза. Услышала властное:

– Лежи так. Не двигайся.

Так и есть. Сейчас начнётся...

Мужская ладонь погладила напрягшуюся ягодицу. Это герцог, не устояв перед зрелищем оголённых полушарий, бережно огладил одно, то самое, что пробудило в нём недавно зверя. Потайное девичье местечко, светящееся золотистым пушком в изножье, так и притягивало взгляд, но его светлость, сдержавшись, отвёл и глаза, и потянувшуюся было к запретному руку... Не мальчик – кидаться на женские прелести, как на леденец. Слава Богу, навидался и напробовался на своём веку, чтобы не сходить с ума от доступного тела. «Но, Бог мой, какая кожа...» – думал, невольно оттягивая то, что должно было последовать.

Дело требовало завершения.

Не будет одинаковых родинок у двух, хоть и невероятно похожих, женщин. В природе не существует абсолютных

повторений. Да, эта девочка почти копия Анны, но если приглядеться тщательно – видишь и различия: чуть меньше рост, чуть изящнее сложение – что удивительно для крестьяночки-то... Ступни куда миниатюрнее, волосы более насыщенного оттенка. Родимое пятно не могло повторять оригинал в точности. Если бы не ярость, вырвавшаяся из-под контроля и временно ослепившая – он бы понял это сразу. Сердечко на прелестнейшей девичьей попке было слишком идеальным... Слишком... На девичьей, восхитительной...

Не о том ты сейчас думаешь, одёрнул себя его светлость. После. У тебя ещё будет время. Пригладил разнывшийся шрам над губой, вздохнул, прогоняя ненужные поползновения изголодавшегося по любви самца. И, склонившись над соблазнительным задком, попробовал подцепить то, что с первого взгляда казалось пикантным родимым пятнышком.

Марта ёжилась, чувствуя, как твёрдые ногти царапают кожу на бесстыдно выставленном напоказ сиденье, и начинала недоумевать. Его светлость – извращенец? Что он там делает? Может, это ласки какие-то изуверские, о которых она ничего не знает? Неожиданно кожу обожгло, но сразу же по больному месту ласково похлопали.

– Вот так и делаются фальшивые приметы. – Её чуть сильнее вжали в стол, и она совсем уже снова приготовилась страдальчески зажмуриться, но тут прямо перед носом появилась большая мужская ладонь, демонстрирующая кусочек чёрной бархатистой кожи. Марта едва не завизжала от



страха и неожиданности. Это что, её кожа? – Пластырь для мушек, – снизошёл до объяснения герцог. – Чего-чего, а этой дряни у моей супруги скопился порядочный запасец. Всё, Марта, всё. Поднимайся.

Какое там – поднимайся! Кажется, у неё отнялись ноги. Видимо, что-то сообразив, герцог подхватил её подмышки и помог выпрямиться. Помедлив, подтянул на место панталончики. Сунул в руки сорочку.

– Да ты меня слышишь? Всё, хватит тут голышом стоять, соблазнять меня. Одевайся. Давай-давай, быстро.

Не в состоянии поверить, что насилия не будет, она судорожно прижала рубашку к груди. Скомканный комок батиста не мог прикрыть затвердевших от холода и пережитого ужаса сосков, но Марта, похоже, не осознавала собственной наготы.

– Ты меня слышишь? – строго повторил герцог. Она уставилась на него бессмысленным взором. – Эй! Милая! Очнись! – И попытался вытащить из намертво сжатых пальцев сорочку.

– Я... я Марта, – вдруг всхлипнула девушка, – Марта! Пожалуйста, не надо!

– Понял, понял. – Он всё-таки сумел завладеть смятой тряпкой, расправил, кое-как натянул через голову икающей от слёз девчонке, помог просунуть в прорези дрожащие руки. – Ты Марта, простая деревенская девушка, так? Ты не Анна... – Она истово закивала, растерялась, замотала голо-

вой и поспешно принялась оттирать влагу со щёк и подбородка. Похоже, приходила в себя. Подцепив с пола ворох юбок, герцог скептически посмотрел на неё.

– Ну, нет, милая, камеристкой быть я не нанимался. Иди-ка сюда. – Увлёк её к камину и силком усадил в кресло. Прикрыл юбками. – Ты меня понимаешь? – Она вновь затрясла головой, но уже осмысленно. – Сиди здесь, голоса не подавай, просто жди, когда я тобой займусь... Да не в том смысле займусь! Надо же с тобой как-то определиться, не выгонять же на улицу на ночь глядя...

Марта, наконец, прозрела. И не поверила своим ушам.

– Вы меня отпустите? Правда? Ваша светлость... – Перехватила руку герцога и жарко поцеловала. Никогда так не делала, даже к пасторской... особенно к пасторской руке не могла подойти, как её ни шпыняли прихожане, но тут – само собой вышло. Светлость с досадой крикнул, но руку не отобрал. Прикосновение Мартиных губ и мокрой щеки было неожиданно приятно.

– Перестань, милая. Довольно. – Он постарался подпустить строгости в голос, но не мог, чёрт дери, чувствуя вину – и перед кем! Подавив вздох, погладил девушку по голове.

– Ты поняла, что нужно делать? Ну-ка, повтори.

– Сидеть тут, – с готовностью отозвалась Марта. – Молчать. Ждать, когда вы меня выгоните... ой, то есть...

– Вижу, поняла. Вот и сиди.

Его сиятельство украдкой перевёл дух.

Если бы не капитан, привыкший угадывать малейшие изменения в интонации светлейшего голоса...

– Винсент! – окликнул. Тотчас дверь скрипнула, будто за ней давно ждали. – Заходи. Ты мне нужен.

Капитан рейтаров, скорее всего, так и дежуривший у порога, вошёл, почтительно наклонив голову.

– Здесь, ваша светлость.

Окинул взглядом комнату – и пристально посмотрел на Марту. Та, запунцовев, спрятала лицо в юбки и постаралась зарыться в них поглубже, а потому не заметила, как Винсент Модильяни вопросительно и несколько обеспокоенноглянул на своего господина: «Она?» – а тот едва заметно качнул головой. И уж тем более Марта не могла видеть, как бравый синеглазый капитан сдержал вздох облегчения.

– Восстановите наблюдение за Гайярдом, – распорядился герцог, наливая вина.

– Оно не снималось, ваша светлость.

– Хорошо. Что говорят наблюдатели? Будешь, кстати?

– Благодарю, пока предпочту воздержаться. Менталисты сообщают: тайных попыток проникновения ни в ваши покои, ни в кабинет не было. Странное оживление магических потоков в районе моста и соседних кварталов говорит о скрытой слежке, но конкретных шагов пока нет. Мы себя тоже не проявляем.

Его светлость усмехнулся.

– Они ждут.

– Осмелюсь спросить...

– Ждут результатов моего свидания с супругой, – желчно пояснил герцог. – Выкину ли я их наживку за порог или проглочу, купившись? Знают, что я скор на расправу, и, наверняка, решили, что раз уж девчонку до сих пор не выгнали – значит, отправили к палачу и допрашивают. А это процесс долгий: трудно выколотить сведения из человека, который ничего не знает... Им нужно убедиться, что я занят, свернул поиск и снял с дома охрану. Вот тогда – они сунутся в дом за тем, что не сумели взять в первый раз. Винс, убираем внешние посты. Оставляем только менталистов и ждём визита в Гайярд.

– Уже сделано, ваша светлость. Однако...

– Что?

– Эманации чужой магии замечены неподалёку отсюда, как раз напротив ворот. Выход под контролем. Они действительно ждут – появитесь вы или нет.

– Чёрт. – Герцог в досаде хлопнул ладонью по столу. – Хотел сам взять подлецов, на месте, а теперь не уйти. Выйду – спугну...

– В этом нет необходимости, ваша светлость. Мы хорошо знаем своё дело. Не упустим.

– Думаешь, скоро попытаются?

– Думаю, ваша светлость. Их терпение не беспредельно, да и время на исходе – вы же сами дали бриттам срок до полуночи, после чего велели убираться из столицы. Уверен, к

плану с двойником, — еле заметный кивок в сторону притихшей Марты, — эти умники имеют непосредственное отношение. У вашей супруги недостаточно сильное воображение, чтобы продумать все детали... Наверняка она уже в посольстве. У неё могут быть дубликаты ключей?

— Она сама считает себя ключом, — процедил герцог. — Я ведь когда-то разрешил ей доступ в спальню, только об обязательной печати не упоминал, так что Анна в полной уверенности, что сможет пошарить в главном тайнике и без меня. Конечно, она заявится собственной наглой персоной.

— Я лично прослежу за поимкой.

— Винс... — Герцог хлопнул капитана по плечу. — Ты читаешь мои мысли. Помни: требования к секретности остаются в силе. Чтобы ни одна мышь не просочилась через ваши кордоны, никаких слухов, никаких догадок! Город спит спокойно и видит сны.

— Я помню, ваша светлость. Позвольте идти?

— Иди. И привези мне Анну... или её голову. Как уж выйдет.

— Слушаюсь, ваша светлость.

Неожиданно герцог притянул капитана к себе и, заключив в объятия, мощно хлопнул по затянутой в панцирь спине.

— И будь осторожен. В последнее время она путалась с выходцами из Некрополиса, могла и их привлечь. Не теряй бдительности.

Синеглазый, усмехнувшись, буднично кивнул, отсалюто-

вал и вышел. Не оборачиваясь на Марту, герцог бросил в пустоту:

– Одевайся. Я не смотрю.

Спохватившись, она принялась шустро напяливать юбки, почти не путаясь в завязках. Подглядывание за старшей тёткиной дочкой-горничной, когда та красовалась в господских обносках, не прошло даром: интуитивно она находила нужные шнурочки, пуговики, крючки. Вот только с лифом опять вышла неувязка. Надеть его кое-как получилось, а вот стянуть... Заслышав шаги, обернулась и вскрикнула: герцог стоял рядом.

Молча, в который раз за этот вечер, он развернул её спиной к себе. С ловкостью опытной камеристки справился со шнуровкой. Лишь однажды поинтересовался:

– Не туго?

Марта, словно язык проглотив, лишь мотнула головой.

Закончив, его светлость осторожно сомкнул руки вокруг девичьей талии, огладил юбки – ладно ли сидят, и, склонившись, осторожно прикоснулся губами к нежной шее, прямо к границе, от которой начиналась загорелая полоска. И как он не заметил её раньше? Его-то благоверная всеми силами старалась отбелить кожу и пряталась от солнца, у него это совсем вылетело из головы. Верно говорят, что предубеждение слепит глаза и застилает разум. Марта перестала дышать, и из опасений, что она задохнётся, герцог великодушно прекратил лёгкий флирт.

С тоской посмотрел на затейливый переплёт высокого окна, за которым уже чернело ночное небо.

Последние часы ожидания мучительны. Особенно, если связаны с осознанием того, что после свершившегося события для тебя лично наступит иная эпоха. Эра. Даже если этого никто не заметит.

– Ваша светлость... – услышал он робкое.

– Что, милая?

– Я могу идти?

– Сколько тебе лет, Марта? – не отвечая на вопрос, поинтересовался он.

– Семнадцать. А что?

– Два года разницы между вами... И целая пропасть. Вы словно из разных миров, хоть светит вам одно и то же солнце. Ладно, это я о своём. Сейчас я не могу тебя отпустить, потерпи. Слишком многое зависит от того, останешься ты здесь или выйдешь. Скоро Винсент закончит кое-какие дела, привезёт сюда кого надо – и ты свободна. Только вот что: у тебя есть к кому пойти здесь, в Эстре? Родня, подруги? Видишь, никого. Куда же я тебя выпущу? Побудь пока здесь, а утром я отправлю тебя домой, с сопровождающим. Он проследит, чтобы тебя никто не обидел, ведь наверняка кто-то видел, как тебя арестовывали, уже пошли слухи... Не бойся, мы заткнём слишком болтливых. Я ведь кое-что тебе должен?

Марта воззрилась на него в священном ужасе. Он? Всесильный герцог де Фуа д'Эстре – он ей должен? Сейчас небо

обрушится на землю или пойдёт дождь из лягушек.

— Я... — Его светлость оглянулся, словно в поисках поддержки. — В общем, иногда я бываю неправ. Не держи на меня зла. Устал я что-то...

Он снова покосился на окно. Прислушался. Не видна ли цепочка факелов от подъезжающей процессии, не скрипят ли ворота? Впрочем, наивно ждать немедленного результата, Винсент уехал четверть часа назад и раньше полуночи вряд ли вернётся...

На плечи герцогу с размаху опустился груз нескольких суток бессонной работы, нервов, допросов, поисков, разочарований, политических дразг и закулисных игр, устраиваемых жаждущими поплясать на его костях. Бог сподобил его родиться герцогом, а может, лучше было бы простым смердом? Иметь под боком вот такую незатейливую, но зато уж, наверняка, верную жёнушку, чтобы смотрела обожающе, несмотря на все его глупости, чтобы рожала ребятишек, чтобы видеть, как растёт и множится семья, заполняют землю его повторения, в чём-то похожие на него, в чём-то — сами по себе. Просто, мирно, без затей... Герцог провёл ладонью по лицу. Идиллия. Скоро приедет капитан... и вместе с действительностью они ткнут его светлейшую морду прямо в грязь. По самые уши. И он будет хлебать — и благодарить небеса за то, что удостоили его родиться герцогом, дабы мочь навести хоть какой-то порядок на этой грешной земле...



– Устал я что-то, – повторил.

Прошёл к камину, скинул внезапно потяжелевший камзол прямо на пол, сел в кресло. Не поднимаясь, потянулся – и подбросил в огонь несколько поленьев.

– Вот что мы сделаем, Марта. Я сейчас отдохну, посплю немного, потому что впереди у меня большая работа, до самого утра, а ты – сиди здесь и никуда не уходи. Чтобы я открыл глаза, а ты тут, рядом. Поняла? Кивни.

Марта послушно кивнула и опустилась на скамеечку у ног герцога. Тот уснул мгновенно, откинув голову на широкую спинку, и Марте казалось, не на кресле он сидит, а на троне, и она у его ног как верная собачонка. Почему-то эта мысль не была ей неприятной. Скрипнув, приоткрылась от сквозняка оконная створка, потянуло ночным холодом, и девушка, обмирая от собственной смелости, подняла с пола сброшенный светлостью камзол и завернулась, как в шубу. Сразу стало тепло, а заодно и понятно, что атлас – он хорош только для балов и праздников, где пляшут и веселятся, а в обычной жизни нужно бы что-то подобротнее. Ох уж, эти господа...

Она сидела, не шелохнувшись, и смотрела на синие огоньки, пляшущие по догорающим поленьям.

Спасибо вам, ваша светлость, за вашу доброту, за то, что не побрезговали перед деревенщиной извиниться, за заботу. Только бесполезно это всё. Капитан Винсент, он хоть и бравый военный, и, видать по всему, ваш друг, но к барону «затыкать рот» не пойдёт, хоть и надо бы, только Марта не ска-

жет, что надо, потому что – стыдно о таком говорить. Они – господа, а она...

Её словно отшвырнуло неведомой силой в прошлое, за многие лье и месяцы отсюда. Кто она?

Щеку словно наяву опалила пощёчина.

«Да ты кто есть? Грязь под моими ногами, и только!» Да, это было, было, даже вспоминать больно и страшно до ломоты в челюстях... Старый барон люто клацал зубами и брызгал слюной, хрипя в лицо. «Знай своё место, приبلуда! Мать твою прижита невесть от кого и тебя под забором нагуляла, гляди, скоро сама по рукам пойдёшь... Что ты кочевряжишься, святую из себя строишь?»

«Ваша милость, – угодливо шептал пастор. – Ничего, обломаем, обломаем... Возьмите пока Августу, она за честь сочтёт, ручки лобызать будет...»

«Это которая сисястая? С голубыми глазищами, весёлая такая?»

«Она, ваша милость. Кланяться будет и благодарить...»

...Выпоров девушек, пастор нет-нет, да и тёрся о спину какой-нибудь наказанной, нет, не о спину, а почему-то о попу, и сутана его при этом сильно оттопыривалась. Марта не была наивной простушкой, в деревне трудно сохранить неведение о том, что происходит между мужчиной и женщиной, но смотреть на грешное поведение того, кого называли «святым отцом» и целовали руку с пучком розог, было противно. Её чуть не стошнило, когда однажды не повезло, и «из-

бранницей» оказалась она. Впрочем, некоторые из девушек вели себя по-другому: смущённо хихикали, томно выгибали спины, как-то странно отставляя задки, словно кобылки под жеребцом... Пастор был доволен. Он любил «распознавать грех», а особо грешных – уводить в отдельную каморку, где и наказывал очень уж сильно – судя по доносящимся вскрикам и стонам. Грешницы почему-то особо удачно выходили замуж, причём кто-то неизвестный снабжал их щедрым приданым. Поэтому селяне не возражали, когда на очередной проповеди священник призывал вести к нему голубиц для очищения от возможной скверны. В основном – не возражали. Дядя Жан не знал, что племянница туда ходит, иначе бы прибил – не её, а тётку, которая в ногах у Марты валялась, вымаливая, чтобы та пошла вместо её дочек. Первый раз Марта дала слабинку, а потом – боялась, что если откажется, Джованна отыграется на дяде. Грозилась ведь в питье ему подсыпать что-то нехорошее...

...В пасторскую каморку для особо грешных вела ещё одна дверца – со двора. Земля у входа была плотно утоптана копытами. И не раз болезненно чуткий слух Марты улавливал помимо сопения, испуганных или довольных вскриков и копошений в чуланчике, лошадиное фырканье и звяканье сбруи снаружи. Потом она самолично увидела, тайком обжевав молельню, кольцо коновязи... нет, два кольца, вделанные в бревенчатую стену.

К ней пастор больше не приставал, только порол. Барон

запретил её трогать. Сперва, говорит, я её вместо любимой племянницы муженьку подсуну... утрётся муж-то, ему всё одно, с кого невинность получить, в темноте и не разберёт... а потом для себя приберегу. Уж больно похожа на племянницу, буду пользоваться – начну представлять, что с ней...

Правду говорят, что божьи жернова мельют медленно, но верно. Отправился барон на войну, не успел самолично племянницу выдать, как-то обошлись без Марты. А с войны владетель Сара и трёх близлежащих деревушек вернулся, разбитый параличом после какой-то странной, поговаривают – дурной болезни. Целый год девушки выходили замуж безбоязненно, не отбывая законной повинности в барской спальне.

...А сегодня утром тётка отправила её с поручением к пастору. Поручение-то было плёвое – попросить облатку для болящей бабки, тёткиной матери, не могла она нынче сама к причастию пойти. И только сейчас Марте подумалось: а какое это причастие, коли день – не воскресный? Вторник сегодня, нет службы-то...

И обдало её запоздалым ужасом. Последним за этот долгий день.

Значит, барон за ней всё-таки послал. А пастор Глюк... не её выручать кинулся, а себя спасать. Барон в гневе страшен, пока разберётся, что не по вине святого отца девчонка пропала – зашибёт. Вот оно как складывается... Не шарахни Марту по голове неизвестные злодеи, не подставь вместо

преступной герцогини – была бы она сейчас вообще жива?

А завтра добрый герцог отошлёт её назад, в Сар. Прямо в зубы к барону. Видно, от судьбы не уйдёшь.

Она смотрела на угасающие синие огни на поленцах и думала: ещё не поздно. Встать. Закрыть окно. Тихо-тихо, чтобы не лязгнуло, прикрыть на каминной трубе выюшку-заслонку. А потом вернуться на место, может, даже, прислониться к боковинке кресла... или опереться о мужское колено, чем чёрт не шутит... Герцог – крепкий сильный мужчина, такие спят долго. Час-другой – и они с Мартой уже не проснутся никогда. Угар сделает свою работу быстро и милосердно.

И больше ни над бесполезным девичеством не трястись, ни ждать, цепenea, когда же барон распорядится её по полю пустить и собак по следу науськать, как уже делал с теми, кто ему, даже немощному, угодить не смог.

Вы тоже отдохнёте, ваша светлость. От распутной жены, от тяжких государственных трудов, от злобных и завистливых людей...

Одно только вдруг огорчило Марту. Герцог-то по своей белой кости да славным делам пойдёт прямо в рай, а ей... ну, понятно, куда дорожка уготовлена. Прямиком в пекло, как самоубийце. И по всему выходит, что больше они никогда не увидятся, и будет у них у каждого своя Вечность: у него – без печалей и воздыхания, у неё – со стоном и скрежетом зубовным.

Марта опечалилась.

Умирать больше не хотелось. Но всё-таки...

Она уже решилась встать и закрыть окно, когда на голову опустилась тяжёлая тёплая ладонь. Герцог спал, но даже во сне приказывал собачке оставаться на месте.

Так она и просидела до самого рассвета, не шелохнувшись, рядом с тем, кто так и не стал её первым мужчиной.

## Глава 2

...На этой поляне, заросшую тропинку к которой помнили лишь избранные, старый дракон спал уже давно, как ему самому казалось – немыслимое количество лет, успев за это время продавить в мягком грунте углубление-ложе для своего большого тела. Порой он месяцами не подавал признаков жизни, и тогда убедиться, что в этой каменно-чешуйчатой громадине ещё теплится душа, можно было лишь одним путём: вооружившись молитвой и терпением, надолго припасть к остывшей могучей груди, чтобы уловить, наконец, еле заметный толчок большого сердца... через четверть часа ещё один... потом ещё... В такие дни и ночи он пребывал в счастливом безвременье и беспамятстве, которые, впрочем, осознавал, уже очнувшись. Отчего это состояние казалось благом – он уже и сам затруднялся ответить, просто считал, что «не помнить» это хорошо.

К тому же, «не помнить» было не больно.

Иногда на него, что называется, находило, и в такое время он открывал глаза чуть ли не каждый рассвет. Смотрел, прищурившись, как отражается в речной глади, проглядывающей сквозь редкие деревья, розовое небо, внимал птичьему гомону, вдыхал и впитывал чешуёй свежесть нового утра – и бездумно растворялся в простейшем бытии. Грелся на

солнце, что-то жевал и глотал, если рядом появлялась пища. Снисходительно позволял шмыгать поблизости маленьким человечкам, что приносили мясо: да пусть суетятся, лишь бы не беспокоили. В первые годы полуспячки даже летал, грузно поднимаясь в воздух, но недолго... да и давно, не испытывая теперь ни малейшей тяги к полёту. Небо уже не манило. Разве что иногда свежий ветер напоминал о просторе, подталкивал ввысь... Но вместе с ним, особенно весенним, несущим ароматы оживших лугов и деревьев, накатывала на старого дракона тоска, тоска-а... Являлась в грёзах дивной красоты женщина с тёмно-карими, почти вишнёвыми, глазами, чёрные косы её, то уложенные короной на голове, то распущенные, свободными мягкими волнами струились почти до колен; губы, бледные и нежные, как лепесток пиона, улыбались грустно и ласково, а к бархату душистой щеки так и жаждалось сладко прильнуть устами... Тут его восприятие давало сбой, ибо что-то в этом желании шло вразрез его звериной природе, но в то же время – гармонично вплеталось в старательно забытое Прошлое. В такие моменты ему до боли в груди хотелось стряхнуть проклятое беспамятство, и тогда он хандрил, оглашая окрестности невнятными глухими стонами, чтобы, в конце концов, разозлившись на всё и вся, вновь провалиться в спасительное небытие очередного сна, с каждым разом тянувшегося всё дольше и дольше.

Последняя ночь выдалась для него слишком суетной. Неясное предчувствие беспокоило, мешая разуму уплыть в



дремоту. Он давно не обращал внимания на жилище людей ... Как, бишь, оно называется? Ах, да, замок... Но сегодня оттуда шла не совсем понятная ему волна эмоций, чувств и... сдерживаемой магии? Дракон поморщился. Так много слов всплыло, почти забытых, ненужных, теперь ворочай мозгами, думай, что к чему... Пусть себе эти люди творят, что хотят, не его дело. Опустив тяжёлые каменные веки, он глубоко задышал. Если вести себя, как спящий, и-ми-ти-ровать сон, то и уснёшь скорее...

Он уже почти уплыл в желанное безмятежное марево, когда странный звук заставил дёрнуться ухо. Хруст ветки под чьей-то ногой. Ещё один...

Тому, кто ломился сюда ночью через кусты, не повезло: он потревожил дракона в тот самый момент, когда тот находился на полузыбкой границе сна и яви, чем вывел из себя, ибо в таком состоянии почти неслышный шорох кажется невероятно громким и... болезненным для чуткого слуха. Раздражённый ящер открыл глаза и коротко рыкнул, выпустив из ноздрей предупредительные струйки пара.

Обведя взглядом знакомую поляну, вроде бы успокоился и смежил веки. Оставив, на самом деле, узкую щёлочку, через которую и наблюдал. Что заставило его изменить своим правилам и заинтересоваться окружающим? Пожалуй, не любопытство, а досада на того, кто нарушил его покой. Те, что появлялись здесь раньше, выказывали к нему... у-ва-же-ни-е, да, именно так, и даже поч-те-ни-е, а этот... эта...

Самка.

Путаясь в высокой траве, замирая и оглядываясь на каждом шагу, подкрадывалась женская фигурка. Она явно хотела подобраться ближе как раз к нему, обвинившему телом и хвостом старый дуплистый бук.

– Чёртова образина, – с нескрываемой яростью прошипел женский голос, в иное время, может, показавшийся приятным, но сейчас отвратительно резанувший по обострённому слуху. – Кто тебя просил дрыхнуть именно здесь? Когда ты переполз? С-скотина...

Она маялась, видимо, не решаясь подойти ближе, и, в то же время словно какая-то сила подталкивала её в спину. В очередной раз оглянувшись, женщина неуверенно шагнула вперёд, и...

От неё пахло опасностью. Лунный отблеск сверкнул на фиале, появившемся в руках. Женские пальчики потянулись к пробке.

– Сейчас ты у меня нюхнёшь...

Рефлексы у ящера сработали быстрее мозгов. Щёлкнул хвост, что до этого, казалось, порос мхом от неподвижности. Нельзя было ей позволить открыть *это*, и использовать против него, он знал наверняка! Ведь от сосуда шёл тяжёлый удушливый запах смерти... Однако мышцы, скованные долгим бездействием, подвели, и до самой врагини хвост не дотянулся, лишь тяжело ударил поблизости, взметнув ошмётки дёрна. Но и того хватило, чтобы незваная гостья завизжа-

ла, и, выронив опасный сосуд, ринулась прочь.

Что-то защёлкало в кустах, и земля прямо перед беглянкой ошетинулась палочками... О, нет, арбалетными болтами, заставив её снова вскрикнуть и попятиться. Тотчас из кустов, из-за деревьев на поляну просочились люди, да много... Двигались они бесшумно, невероятно быстро, и пленили злоумышленницу – а в этом не оставалось сомнений – в считанные секунды, после чего, несмотря на протестующие вопли, уволокли с места обитания старого ящера. Вскоре уже ничто не напоминало о разыгравшемся действе, разве что притоптанная трава. Через день-другой поднимется, и никто ничего не вспомнит...

– Ваша светлость... – услышал он.

Дракон так озадачился, что опять приоткрыл глаза.

Это к нему обращаются?

Воин, стоявший бестрепетно совсем рядом, был ему незнаком – как, впрочем, и все, кого он мельком замечал в последнюю... бездну времени, вечность, что он здесь. Но отчего-то дракон взволновался при виде ярких, словно...

...сапфировых...

...синих, как забытое южное море...

...как глазурь на плитках в маленьком замковом прохладном двореке...

...глаз...

– Ваша светлость, вы меня помните? Я – Винс, Винсент...

Помедлив, дракон опустил голову. Имя прошелестело в

мозгу, перекатилось на языке, но и только. Нельзя ничего ни за кем повторять. Нельзя самому заговаривать. Он запретил себе это. Хотя и не помнит, из-за чего, но ведь не без причины же!

Мужчина вздохнул.

– Прошу прощения за причинённое беспокойство, ваша светлость. Эта женщина здесь больше не появится. Но...

Он колебался. И добавил, похоже, лишь для очистки совести:

– Возможно, вам известно, что именно она здесь искала?

Помедлив, отступил.

– Ещё раз примите мои извинения...

И вдруг старый дракон понял, о чём его спрашивают. Свеженькое, не успевшее кануть в Лету Снов-Без-Сновидений воспоминание само обрисовало в голове чёткую картинку того, что случилось ночь или две... или три назад, но совсем недавно, иначе бы не возродилось в голове так вот сразу.

Женщина. Та самая, что недавно пыталась его отравить. Вот она мечется по поляне, путаясь и спотыкаясь в длинной траве, прижимая к груди что-то громоздкое, явно тяжёлое, оттягивающее руки... Замирает, бормоча что-то вроде: «Только успокойся, и ты найдёшь подходящее место!» Внимательно оглядывается. И видит старый бук с наполовину засохшими ветвями, затерявшийся среди здоровых своих собратьев, не изъеденных древоточцами.

Каких-то две-три минуты – и её таинственный груз на-

дёжно спрятан в дупле, а воровка – почему-то дракону хочется назвать её именно так – скрывается в подлеске, не удостоив старика взглядом. Долго же, выходит, он спал, ежели его даже за серьёзную помеху не приняли. Он втянул ноздрями воздух. От предмета, что до сих пор, старательно присыпанный сухой листвой, покоился в сердцевине полумёртвого лесного долгожителя, шёл странный запах. Успокаивающий. Родной.

*Домашний.* Вот ещё одно давно забытое слово...

Никому не отдаст, решил тогда он. Кем бы ни была эта маленькая трясущаяся дрянь... Её пачкающий аромат, словно струя чёрно-белого пушистого и с виду безобидного зверька, изгадил здесь всё, и дракон старательно затёр его своим телом, соизволив за долгое-предолгое время приподняться с излюбленного края поляны перед небольшой пещерой и проползти по следам нарушительницы покоя. Это усилие обошлось ему дорого. Отвыкшие от движения мышцы яростно завопили, требуя немедленного отдыха. Чувствуя, что вот-вот заснёт, ящер вновь подумал: не отдам! Обвился вокруг мощного ствола, и лишь тогда позволил себе забыться...

А сейчас его спрашивают, не знает ли он, зачем эта тварь здесь рыскала. Да, он понял вопрос. Он ещё бывает иногда в здравом уме и в твёрдой памяти.

Чем-то неуловимо знакомым пахнет от этого синеглазого. Тоже... *Домашним.*

Пожалуй, ему – можно и отдать. Пусть порадует.

Повинуясь мимолётному сердечному порыву, дракон при-  
встал – и чуть отполз от дерева. Человек, уже почти пересёк-  
ший поляну, обернулся.

Тяжёлый бронированный хвост с силой тарана, атакующе-  
го вражеские ворота, ударил по стволу бука, разнося в щеп-  
ки верхнюю часть и обнажая пустое, выеденное временем и  
древоточцем нутро. Достаточно, решил дракон, умному хва-  
тит, чтобы понять, а мужчина-воин, кажется, не глуп... И  
уже не слушал, кого там выкликают синеглазый, как отдаёт  
шёпотом команды – что-то разгрести, проверить, собрать...  
Даже ухом не повёл на благодарность, высказанную почти-  
тельно и с уважением, как и полагается. А всё потому, что  
уже сожалел о проделанном, ибо страстно хотел вернуть се-  
бе игрушку, вдохнуть знакомый запах, наслаждаться... Воз-  
можно, он и сам однажды, по собственной воле, порушил  
бы этот бук, только ударил бы чуть ниже, чтобы избавить  
себя от лишних хлопот: тогда крышка ларца, упавшего на  
землю, раскололась бы, и просыпались бы, сверкая на солнце  
или в лунном свете, перстни и броши, диадемы и булавки,  
заструились бы нитки разноцветных жемчугов... Отчего-то  
он знал, *что* там, в этой резной, пахнувшей заморским дере-  
вом, большой шкатулке.

В очередной раз он проснулся с зарёй.

Чёрный лохматый кот играл среди груды щепок какой-то  
блестяшкой.

Поддел лапой, зафырчал, закопался в траве, высунулся,

довольный, сжимая добычу в зубах. Важной поступью приблизился к дракону – и выплюнул перед ним какую-то синюю каплю.

Камушек, гладкий, небольшой, величиной с фасолину, или, пожалуй, с боб, и так же изящно изогнутый. Только фасолины не загораются нежным лазоревым светом, когда на них падают первые лучи солнца, не усеяны фиолетовыми крапинками, и уж, конечно, не выпадают из украденных шкатулок, полных драгоценностей.

Сапфирит, достойный герцогского венца.

Дракон довольно усмехнулся. Хотя что-то досталось и ему. Ай да кот, лохматый бродяга... Кого-то он ему явно напоминает.

И, кажется, он его видел не только здесь...

\*\*\*

...А для Марты, издёрганной волнениями дня, благодатная ночь всё текла себе и текла, под негромкое размеренное дыхание уснувшего герцога, под монотонное тиканье напольных часов в тяжёлом футляре, понемногу стирая тревоги и потрясения. За окнами время от времени звучала мерная поступь солдат по брусчатке – то ли расхаживал местный тюремный дозор, то ли поджидали тех, за кем его светлость снарядил погоню.

Марта поёжилась.

Ох, как страшно сказал он тогда капитану Винсенту: принеси мне, мол, её голову...

Неужто так можно? Под одним одеялом с женщиной спать, один хлеб есть – и так её ненавидеть? Да ведь венчаны перед Богом, клятвы, поди, давали – любить, уважать... Впрочем, про супружескую любовь в Писании как-то уклончиво говорилось. Пастор Глюк, когда наставлял очередных брачующихся, всё твердил одно: «Муж – да возлюбит жену как самое себя». А вот супруге предназначалось лишь: «Жена да убоится мужа своего». Стало быть – не обязательно ей любить-то?

Вот Анна и не любила. Но и не особо боялась. Об уважении вообще речи нет: у того, кого уважают, не воруют. От того, кого любят, не сбегают.

Марта старалась не шевелиться, чтобы не разбудить спящего в кресле мужчину. Хоть и досталось ей сегодня крепко и незаслуженно – она ни на кого не держала зла. Каждый может ошибиться. У капитана – служба, ему от неё деваться некуда, сказано – найти беглянку, он вроде и нашёл; а сам его светлость, хоть и сильно гневался, но ведь разобрался же во всём, отпустил её на все четыре стороны. И, ей-богу, прощенья просил, до сих пор не верится... Всё сделал по справедливости. И даже случаем не воспользовался, чтобы свою силу мужскую проявить, вот что. Хоть дева была в его власти, как цыплёнок под коршуном, и не дёрнулась бы, ежели что. Знать, не здесь и не сейчас уготовлено ей с девичеством



расстаться.

Но как же страшно теперь возвращаться в Сар! Может, попроситься в какой-нибудь Эстрейский монастырь? Мужчинам туда вход закрыт, барон её там не отыщет. Говорят, в монастырях строго: всё посты да посты, да вставать ни свет, ни заря, потому как молитвы по своему уставу творятся – и с восходом солнца, и с закатом, и полунощные. Мало того: носят власяницы, используют и розги, и хлысты, правда, не для наказания, а умерщвления плоти ради... Марта вздохнула. К голоду-то она привыкла, и подниматься с петухами не впервой, а вот плоть умерщвлять не хотелось.

В животе предательски заныло. Хоть бы корочкой сухой поживиться...

Ничего. Она потерпит.

Ладонь герцога по сей час покоилась на её макушке и, говоря откровенно, хотелось, чтобы эта невольная ласка продолжилась как можно дольше – нечасто ей выпадало ласковое слово, а уж по голове только матушка в детстве гладила. Чтобы приятное чувство защищённости длилось как можно дольше, Марта терпела вынужденное оцепенение а, дабы не заснуть и не свалиться со скамеечки, принялась рассматривать кабинет господина коменданта. Благо, хозяин кабинета оказался щедр на освещение, в каждом из двух канделябров на столе торчало штук по восемь свечей, а Марта умела считать, вот и сосчитала: восемь да восемь – стало быть, шестнадцать. Богатых, чистого белого воска. Да ещё по масляно-

му светильнику на каждой стене. Ничего не скажешь, хорошо от казны живут...

Рука его светлости оставалась тёплой и мягкой, не верилось, что эти пальцы недавно впивались в её шею, словно клещи. Да и сам герцог, спящий-то, вроде смягчился, стал добрее. Осмелев, Марта осторожно переложила державную длань на подлокотник и снизу вверх глянула на живую легенду, свирепого и благородного, жуткого и справедливого, яростного и отходчивого Жильберта д'Эстре.... Уйму чего о нём говорили, и страшного, и возвышенного, но сходились в одном: его светлость *простых* людей не обижал. С дворянами бывал крут, конечно, но ведь с белой кости и спрос иной! Ведь не зазря сказано: кому много дано, с того много и спросится. Заговоров правитель провинции не любил и не спускал. Случалось кому из дворянского звания сглупить, те шли под благородный топор: а уж бандитов, разбойников, воровскую шваль и прочую шушеру привечали верёвками и колами;

А вот крестьян, мастеровых, среднее сословие герцог не трогал. Даже право первой ночи на своих личных землях отменил. Поговаривают, правда, что и после этого невесты к нему прибегали, блюдя обычаи, но, должно быть, врут.

Марта невольно залюбовалась усталым лицом, твёрдым подбородком, обрастающим синеватой щетиной, прямым крупным носом с горбинкой, красивым изгибом полуоткрытых губ, за которыми поблёскивали зубы. Побелевший шрам

над верхней губой был сейчас малозаметен, и не пугал, не портил, а делал герцога похожим на старого хищника, заматеревшего в схватках. Сильными красивыми руками его светлость наверняка сумел бы, как дядюшка Жан, согнуть подкову или свернуть в трубочку оловянную тарелку. Нет, насчёт невест, что сами прибегают, пожалуй, не врут люди. Да если бы барон де Бирс, сеньор местечка Сар, имел хоть вполовину, хоть в четверть герцогских достоинств, Марта давно уже замуж пошла бы, не злила тётку постоянными отказами женихам, не сидела бы у дядиной семьи на шее. Почему не шла? А потому, что дорожка под венец была только одна – через господскую спальню. Хорошо, что она, сирота, научилась вышивать, да принесла в семью свой кусок хлеба; хоть тётка и попрекала её по привычке, но терпела из-за се-ребрушек, коими на ярмарке окупались вышивки. Вот откуда такая несправедливость? Кому-то – дом полная чаша, а другим изба с единственной комнатенью, где и спят, и едят, и работу справляют. Кому-то достался сеньор статный да красивый, да, поди, детишек не забывает, что от него народятся, а кому-то... тьфу, даже вспомнить гадко.

От таких крамольных мыслей стало вдруг не по себе. Роптать всё-таки грех. Пастор не зря говорил: что самим Господом положено, то человек переделывать не должен. Но впервые у неё зародилось сомнение: а так ли уж прав святой отец? С амвона-то он чего только не вещал, да так грозно и красиво, что прихожане искренне плакали, боясь Божьего суда.

Ведь отвечать придётся, за грехи, за обманы, за лжесвидетельства и неправедность... Однако при этом кое-кто из кающихся знал и о скромной молельне в доме Глюка, невинной комнатке, из которой прикрытая гобеленом дверь вела в помещение побольше: с тремя вкопанными в земляной пол столбами, с пучками розог в ведре с крепким рассолом. Знали и о том, что в этом месте творится. И молчали. На всё – господская воля. Девы, что на столбах отбывали, не обижены, ведь пристраивали их потом хорошо, грех жаловаться. Да и так сказать, по правде: Господь далеко, на небесах, когда-то всё углядит на большой-пребольшой грешной земле! А сеньор и его соседи рядом, вот их и надо бояться.

Это разве не грех – такая трусость?

Пастор зачитывал жития святых и мучеников, претерпевших во имя Христа, и призывал крестьян не роптать и терпеть, но Марта не понимала: во имя чего сносить поругание? Какая польза Богу от девичьей чести, что не в его славу, а на ублажение баронской похоти употреблена?

Вот, наверное, потому руками, а если точнее – шпагами солдат его светлости Господь и покарал святого отца. Странно как-то получается. Вроде бы Марта должна сострадать – пастор всё же брат во Христе – но ни капельки его не жалко. Тоже грех. И то, что сейчас смотрит она на большие и красивые руки сиятельного герцога и вспоминает, как он ей одеваться помогал, спину поглаживал этими самыми руками, как он... потом склонился и в шею её поцеловал... Ох,

до сих пор, как вспомнит – мурашки по коже. Тогда ей, глухой, было просто страшно, а сейчас – сладко...

Всё-таки хорошо, что она передумала угорать. Живите ещё сто лет, ваша светлость, долго и счастливо.

И вдруг Марта ужаснулась.

А ведь руки на себя наложить – вообще грех наивеликий! О чём она думала! Как ни крути – грешна. И настолько, что ни один священник ей не отпустит, или наложит такую епитимью – колени опухнут от стояний и поклонов. Хотя... Марта немного повеселела. Вроде бы теперь, раз уж господин пастор помре, исповеди принимать в Саре некому. Хоть и ненадолго: как пить дать, выпишет господин барон нового служителя. Хорошо бы, такого, как брат Серафим...

...Десять лет назад это было. Марино село вымирало от чёрной оспы. Их соседке Марии, искусной ковровых дел мастерице, выжгло страшной болезнью глаза. Муж помер, из шестерых детишек выжили чудом двое, да и те на ладан дышали, слабенькие, ледащие... Чем жить? У добрых людей, что в округе уцелели, просить стыдно, да и нечего: сами по сусекам последнее скребут. Едва встав на ноги, Мария побрела на поклон к барону: было дело, он с ней так и не расплатился за четыре ковра, а теперь затребовал ещё, будто не знал, каково сейчас его селянам. Он-то за стенами замка отсиделся... На убогую, оборванную калеку де Бирс и не взглянул, велел гнать со двора. Дескать, нечего тут заразу разносить. Какая ей плата, какой долг? Всё равно завтра сдохнет,

нечего деньги на ветер бросать.

...Уже на крутом берегу, куда слепая побрела в отчаянии – в омут кинуться – нагнал её отец Серафим, странствующий монах. Поговорил, утешил, наставил. Сказал, что всегда есть надежда на лучшее, и никто не знает, какими неизвестными тропами счастье человеческое бродит. Мария лишь горько усмехалась на такие слова, но мысли о смерти забросила – Серафим вовремя её пристыдил детишками. Ты, мол, помрёшь – на кого их оставишь? Сгинут, как есть, без матери-то. Довёл несчастную до дома, благословил и её, и больных сыночков, да пошёл себе дальше, сунув на прощанье каждому по мелкой монетке. Вот ведь какие странники чудные бывают: подавание не просят, а сами раздают.

Сердобольному Жану-кузнецу, который явился спросить, не нужно ли вдове чего, да кто это забредал недавно, Мария протянула денежку и попросила Христа ради купить детям хлеба: вспомнила, что сосед в город собирается, на торги. Стыдно крестьянам хлеб покупать, да бывает и так... Кузнец-то монету взял, но подумал, грешным делом, что хлебушек-то вздорожал, в трудные времена оно всегда так, и много ли теперь на медяшку купишь? Сейчас он ей припас навезёт, а надолго ли его хватит? Признавался потом, что уж хотел вдове своих денег добавить по-тихому. Но когда стал на торгах расплачиваться за куль муки – вслед за горстью меди и редкого серебра шмякнулся ему на ладонь из потёртого кошелька полновесный золотой талер. Жана чуть удар не

хватил...

Достало и на муку, и на масло, и на земляные яблоки, а главное – закупили семян на посев: тут уж сам кузнец в долг к соседке влез, потом честно с Марией рассчитался. И вот оказия – кроме съестного да посевного привёз он ослепшей мастерице несколько тюков шерсти. Вроде бы и ни к чему, а его как под руку кто толкал: купи да купи! Ощупывая мягкие кручёные нити, Мария плакала. От счастья. Потом вытерла пустые глазницы, попросила окрепших за считанные дни мальцов разобрать пряжу по цветам да уложить в кипы в нужном ей порядке; перекрестилась – и села к станку. И заработала. Ловкие пальцы так и остались зрячими.

Такие вот бывают святые отцы да монахи, что словом да делом судьбу человеку поправить могут...

И Марте вдруг стало спокойно. Счастье ведь неизвестно какими тропами бродит. Может, разыщет и её, кто знает? Было ей семнадцать лет, и очень хотелось верить в хорошее.

Или просто – верить.

Она запахнулась плотнее в господский камзол – авось не заругает его светлость, если увидит! Снова прислонилась спиной к твёрдому мужскому колену и сама не заметила, как задремала.

\* \* \*

Очнулась она от стука в дверь..

– Ваша светлость, донесения от менталистов!

Марта встрепенулась и, потеряв равновесие, едва не рухнула со скамеечки. Но вовремя вскочила: Жильберт д'Эстре изволил пробудиться столь стремительно, что, не успей она подхватиться – так и спихнул бы её на пол, не заметив. Пока девушка торопливо подбирала упавший с плеч камзол и ломала голову, куда бы его сунуть, пока догадалась повесить на спинку кресла – герцог уже разворачивал протянутый свиток. Бегло зачитав, вернулся к началу, перечёл неторопливо и вдумчиво.

– Так.

Принёсший долгожданные вести комендант – сухощавый, подтянутый служака с осунувшимся лицом и покрасневшими от бессонной ночи глазами, тотчас подал голос:

– Какие будут распоряжения, ваша светлость?

– Да какие уж там распоряжения... Ничего сверх обычного, господин Карр. Готовьтесь к работе. Будут допросы, много допросов, возможно, с пристрастием.

– Понял, ваша светлость. – Комендант бросил острый взгляд за плечо герцога. – А как с вашей... супругой?

Только сейчас герцог вспомнил о Марте. Сперва воззрился на неё с недоумением, затем лицо его посветлело.

– Вот что, Ма... милая, придётся тебе поехать домой. Меня не жди, я дам тебе сопровождающего, как и обещал. Мэтр Карр...

Комендант превратился в олицетворение внимания:



у него, казалось, даже уши заострились. Стоял, слушал – а сам ел Марту светлыми, какими-то рыбьими глазами, словно отъедая по кусочку, препарируя... По-видимому, оценивал обстановку. Как-то теперь, после проведённой наедине ночи, складываются отношения между супругами? А ведь какие крики доносились из кабинета, господи Боже мой, какой плач... Но, видно, и впрямь господин герцог отходчивый; по всему видать – договорились полюбовно.

– Нам нужна карета, господин Карр, – бесцеремонно прервал его измышления герцог. – Моя мне ещё понадобится, поэтому воспользуюсь вашей. Тем более что вы мне нужны здесь. Что скажете?

– Что уже закладываем, ваша светлость. Скольких людей прикажете в сопровождение её светлости?

– Четверых, не меньше. Путь следования... пожалуй, я продумаю и сообщу непосредственно эскорту. Что-то ещё?

– Срочная депеша из Анжи, ваша светлость. Что-то там произошло, кажется, не слишком хорошее. Курьер был чересчур подавлен.

– Давайте.

Поклонившись, комендант удалился, бросив напоследок ещё один взгляд на Марту – о-очень внимательный, она даже сжалась. И вздрогнула от неожиданного странного хлопка.

Его светлость был в бешенстве. Марта перепугалась, что сейчас на него накатит, как вчера, и что тогда делать? Как на грех, рядом нет капитана Винсента, чтобы громыхнуть во-

время дверью! Но обошлось. Лишь, не сдержавшись, герцог снова хлестнул свитком по ладони.

– Ну, Анна... Скоро ты мне за всё ответишь.

И сквозь зубы так обрисовал предстоящую экзекуцию супруги – подобных слов Марта даже от дяди Жана не слыживала, даже когда тот пребывал в сильном подпитии. Видать, напоследок крепко насолила жёнушка. Но сколь верёвочке ни виться... Первое письмо было, как поняла Марта, от капитана Винсента, и, скорее всего, заключало долгожданную весть о поимке беглянки, иначе с чего бы готовить пыточную? Марта поёжилась. Гадать о чужих делах ей было ни к чему. Самое время о себе подумать. А второе, взбесившее герцога – о чём оно?

– Послушай, Марта, – вдруг обратился к ней герцог. – Мне, право, жаль, что я был с тобой не сдержан...

Умел он себя взять в руки, умел.

– ...но с кем не бывает. Худого не помни.

– Что вы, ваша светлость, – прошептала она.

– Молчи. Хотелось бы сделать для тебя больше, но не могу. Впрочем, если не забуду, постараюсь тебя отыскать. Послушай, кольцо, что у тебя на руке... – Марта с удивлением воззрилась на перстень, о котором уже и думать забыла: палец привык к тяжести золотого ободка с камнем и уже не ощущал его. – Оно обручальное, дорогое. Оставь его себе, должен же я как-то компенсировать беспокойство. – Несуразность собственных слов заставила его усмехнуться. – По-

едешь в лавку к ювелиру Симону, там продашь. Это его работа, он её узнает сразу. Скажешь – я подарил. Больше никуда с ним не суйся – арестуют, подумают, что стащила. Да, скажи Симону, что я велел продать камень за десять тысяч талеров, хотя сам купил за четырнадцать, так что он не продешевит, а тебе этого надолго хватит. И вот что...

Задумался.

– Домой тебе, пожалуй, лучше не возвращаться. Знаю я вашего барона, он любитель... срывать бутончики, не может быть, чтобы тебя до сих пор не заметил. В городе одинокой молодой девушке тоже нелегко, но мы что-нибудь придумаем. Сейчас приедет Винсент, попрошу его снять, а затем выкупить для тебя домик где-нибудь в тихом квартале. Найдёшь себе дело; денег тебе хватит надолго, только не транжирь у всех на виду. Первое время Винсент будет захаживать в гости; не бойся, это только для того, чтобы видели, что ты не одна, под защитой. Думаю, в Эстре тебе будет лучше. Да, вот что, – осторожно взял Марту за подбородок. – Постарайся особо не показывать всем своё хорошенькое личико. Слишком уж хорошенькое...

Наклонился к её лицу... и отпрянул.

– Поедешь прямо сейчас, – сказал сухо. Оставив затрепетавшую от волнения деву, подхватил с кресла камзол. Марта вздохнула разочарованно. До сей поры в рубаше тонкого полотна, красиво облегающей статную фигуру, герцог был как-то ближе, домашнее, что ли. Камзол же на него лёг, как ки-

раса, броня.

– Господин комендант! – крикнул герцог. По-видимому, он не сомневался, что в соседней комнате все, как один, готовы мчаться по первому его зову. Впрочем, так оно и было, ибо начальник тюрьмы появился незамедлительно. – Нам нужен хороший плащ с капюшоном, достаточно большим, чтобы прикрыть лицо. И поторопитесь, скоро мне будет не до этого, а прежде, чем заняться другим делом, я хотел бы знать, что эта девушка отбыла и находится в полной безопасности.

Спустя две минуты герцог широким размашистым шагом, почти бегом, нёсся по тюремному коридору, за ним, стуча деревянными башмаками, семенила Марта, непривычная поспешать в таком количестве юбок. Комендант, даже не ускоряясь, скользил за ними, как лодка по воде, без труда подлаживаясь под обоих.

Ещё не дойдя до входных дверей, они услышали лошадиный топот, ржание, крики... и отчётливый женский визг. Нет, герцог не кинулся вперёд, он просто преодолел расстояние, отделяющее его от выхода, в каких-то два шага. Марте понадобилось двадцать, да она к тому же запуталась в полах длинного плаща и чуть не упала, и если бы не помощь коменданта – позорно растянулась бы на пороге.

– Ой... Спасибо, господин Карр, – прошептала испуганно. Хорошо, что она вовремя вспомнила имя. Тот глянул как-то странно, кивнул и придержал тяжёлую створку двери, про-

пуская Марту на выход. Но тотчас крепко, хоть и деликатно, перехватил её локоть.

– Что-то мне подсказывает, сударыня, что его светлость не хочет выставлять вас напоказ. Давайте подождём здесь; пусть ваш супруг поговорит с прибывшими, а затем уже мы напомним ему о вас. Прошу...

И увлѣк в сторону от двери, в балконную тень, резко очерченную под утренним солнцем.

Большой тюремный двор стал внезапно тесным – от трёх карет, заехавших одновременно, от лошадей, от множества людей, посыпавшихся неведь откуда. Потом уже Марта сообразила, что часть из них выскочила из возка – такого же, в котором её сюда привезли, а остальная масса – из соседнего крыла тюрьмы. Это были рейтары, и где-то среди них слышан был знакомый мужественный голос капитана Винсента, отдающего чѣткие указания. Должно быть, именно благодаря его распоряжениям человеческий муравейник упорядочился в считанные секунды. Солдаты разбились на группы: одна – препровождала ко входу двух непонятных личностей, Марта даже не смогла сразу определить – мужчин или женщин, те были в каких-то нелепых балахонах, с закрытыми лицами, с завязанными прямо поверх мешков на головах ртами... Герцог покосился на них с какой-то брезгливостью.

– Этих – в особую камеру, для магов, – распоряжался комендант. – Господа менталисты, вы в караул? – осведомился у сопровождающих, четверых одинаково неприметных лю-

дей, шагающих бесшумно и легко, словно паря над землёй.

– Да, извольте нам найти замену не позднее, чем через час, экземпляры попались сильные.

– Слушаюсь.

Перед герцогом раскрыли два ларца: в большом – какие-то бумаги, меньший блеснул сиянием драгоценных камней и жемчугов. Его светлость коротко и без эмоций кивнул.

– В мою карету. Благодарю. Не забуду.

Но вот он подобрался...

...и пошла от него такая волна холода и ненависти, что не только у людей заledenели руки и ноги – всхрапнули и встали на дыбы лошади.

– Ох, – только и прошептала Марта. Оглянулась – и поняла, что осталась в своём углу одна. Комендант, как и Винсент, заняли места за правым и левым плечом герцога. Словно свита.

А прямо перед его светлостью дёргалась в путах, пытаюсь освободиться, гневно что-то мыча сквозь знакомый кляп, извивалась, пробовала лягнуть крепко держащих её под руки солдат – она, Марта...

Скрестив руки на груди, герцог смерил её тяжелым взглядом. Но не проронил ни слова. Стоял и молчал, пока пленница не затихла, тяжело дыша, и вдруг отпрянула. Попятилась. Вернее, попыталась. Жёсткий тычок под рёбра заставил её согнуться пополам и задохнуться.

Вот так и Марте было... несладко.

Всё это время она гадала: почему все упорно принимали её за беглую герцогиню, неужели так похожа? А вот теперь поняла — да, похожа, и очень. Сейчас её словно раздвоило. Одна, настоящая, вжималась спиной в холодную кирпичную кладку, чтобы не заметили герцог и солдаты, и другая, точное Мартино подобие, только одетое в ещё более дорогое платье, задыхалась после удара и всё не могла разогнуться. Солдат подтолкнул ту, вторую, в спину и по знаку герцога ловко выдернул кляп, мешающий вдохнуть.

— Ублюдок! — едва придя в себя, прошипела двойница. — Прикажи меня не бить, сейчас же, животное! Я беременна!

— Я законнорожденный, сударыня. В отличие от вашего будущего отродья, — сказал, словно выплюнул, герцог. — Это всё, что вы можете сообщить?

— Ты не имеешь права меня арестовывать, слышишь, ты! — Она вдруг затихла, прислушиваясь, и захохотала: — Ох, как тебя сейчас обломают! Давно мечтала поставить тебя на место, скоти...

Не слишком чистая ладонь рейтара запечатала ей рот. Намертво. Жертва пыталась кусаться, но получила удар, ещё более жёсткий, чем предыдущий.

— Избавьте меня от её оскорблений, — скучным голосом сказал герцог. — И... Капитан, объявите готовность. Посмотрим, кто ещё к нам сейчас пожалует.

Тем временем Марта, забытая всеми, не сводила глаз со своей копии. В голове кружилась единственная мысль:

неужели? Неужели *она*? Потому что вспомнила...

– ...Дядя, как она смеет! Простолюдинка, дрянь... почему она такая же, как я?

Прелестная девочка лет девяти в пышном «взрослом» платье тащит Марту за косы по полу, сперва по мягкому ковру спальни, куда Марта упросила проводить сестрицу-горничную, чтобы хоть глазком посмотреть, как живут господа, потом по жёстким каменным плитам зала. И вдруг со всего размаха с недетской силой толкает Марту, и та летит лицом в чьи-то грязные сапоги. Еле успевает инстинктивно выставить вперёд локоть.

Чья-то рука вздёргивает её за шиворот. Сердечко у Марты уходит в пятки. Барон... спаси и сохрани, Божечка, сейчас убьёт...

Он осматривает Марту, как курёнка, разве что за ногу не поднимает.

– Что вас так рассердило, моя прелесть? Да, действительно, похожа, что с того?

– Дядя, как вы не понимаете? Я красивая! Вы всегда говорите мне, что я *самая* красивая! А эта шваль так на меня похожа – значит, и она красива? Видеть её не могу! Запорите её!

– Глупости, – неожиданно одёргивает её барон. Стряхивает с руки Марту. – А ну, брысь! И чтобы ноги твоей здесь не было! – И снова племяннице, ласково: – Солнце моё, вы её больше не увидите, обещаю.



– А я сказала – заперите! Пусть... пусть ей уши отрежут, вот! Лицо исцарапают, разбойникам отдадут! Ну дядя, – тон сменяется на капризный, – вы же всё можете, ну пожалуйста... Да я спать не смогу спокойно, пока она со мной одним воздухом дышит! Тварь подзаборная! Кто её сюда привёл?

Как уж там улещивал барон племянницу, единственную дочь покойной сестры, единственную наследницу – Марта уже не слышала, кубарем скатившись с парадной лестницы и нырнув под пролёт. Забилась под ступеньки и дышала, как рыба, широко раскрыв рот, чтобы воздух выходил не с таким шумом, не слышали бы. И долго не решалась вылезти, а сестрица всё никак за ней не приходила, боялась случайно выдать.

– ...Жана-кузнеца племянница, – услышала над собой. – В прошлом году осиротела, вот хотел к делу пристроить, на кухню или в прачки. – Две пары ног не торопясь, твёрдо печатая шаг, спускались по ступенькам, казалось, прямо над головой девочки. – Прикажете сыскать? – Вкрадчивый голос понизился до шёпота: – Привести?

– На кой она мне... сейчас, – холодно отозвался барон. – Не любитель. Девка должна быть девкой, в теле, а эта пока так, недоразумение. Что я с ней делать буду? Жану скажи, чтоб сюда не пускал, пока Анну в пансион не отправлю.

Впервые в жизни Марту выпороли именно в тот день. Но её-то – слегка, для видимости, потому как управляющий неподалёку крутился, чтобы видеть, как барское слово отзы-

вается, а вот бестолковую сестрицу двоюродную – от души. Чтобы знала, как малолеток по замку водить.

...Прикусив палец, чтобы не заплакать в голос, Марта кое-как сдержалась. За что ей это? Выходит, вся её жизнь пошла наперекосяк ещё с той поры? Из-за маленькой капризной дряни, которая что хотела, то и получала, жила в холе, в воле, в сытости... Чего ей замужем за герцогом не хватало, дура набитой? И это из-за неё вчера её чуть было не... не... Спасибо доброму капитану Винсенту, никакое он, оказывается, не чудовище, а просто ангел-хранитель, не иначе.

Ещё одна карета вкатилась в тюремный двор, величаво, торжественно, словно не замечая нацеленных пик и шпаг. Остановилась аккуратно напротив крыльца, и из позолоченной дверцы, шагнув на просевшую от тяжести приставную ступеньку, снизошёл на землю дородный важный господин, одетый столь богато, что, когда он двигался, десятки мелких драгоценных камешков на камзоле перешёптывались и шуршали, задевая друг дружку гранями. Голову прибывшего украшало невиданное ранее Мартой чудо – парик с буклями; дорогое кружево волнами шло на груди, ниспадало с манжет. Шпага, более парадная, чем боевая, цеплялась за ноги, но сей факт совершенно не смущал расфуфыренного господина.

Герцог молчал. Кинул недобрый взгляд на супругу, вдруг что-то победно замыкавшую сквозь кляп. Чучело в драгоценном камзоле отвесило изысканный поклон.

– Ваша светлость, господин ге'гцог, п'гиношу глубочайшие извинения за столь поздний визит...

– Визит-то, пожалуй, 'ганный, – с непередаваемым сарказмом прервал его светлость. – Для тех, кто по ночам спит с чистой совестью. А вот чем *вы* всю ночь напролёт занимались, господин посол, что не заметили, как она прошла? Считали овец?

– Извольте шутить, – благодушно отозвался собеседник. Словно не на тюремном дворе и под прицелом десятков глаз пребывал, а заглянул к дорогому соседу приятно провести время. – Я, суда'гь мой, п'гедпочитаю п'говодить ночь в компании хо'гоших книг, философов, д'гузей... к'гасивых женщин, наконец, это же так понятно... А вот вы, к наиглубочайшему моему п'гиско'гбию, лишили меня общества одной из них; нехо'гошо, нехо'гошо...

Анна как-то странно успокоилась и лишь торжествующе поглядывала на мужа поверх завязок кляпа. Солдаты, державшие её, тем не менее, хватку не ослабили, да и прочие по знаку капитана незаметно, шаг за шагом перестраивались, окружая экипаж добрейшего с виду и безобиднейшего гостя.

– Объяснитесь, милорд. – Герцог учтиво поклонился. – Обещаю исправить свою бестактность, насколько это будет возможно. О какой даме идёт речь?

– О новой подданной б'гиттской импе'гии, до'го'гой мой, – толстяк любезно улыбнулся, но Марте почуялся в его усмешке волчий оскал. – Коия уже целые сутки пользует-

ся дипломатической неп'гикосновенностью, поселившись на те'г'гитории б'гитского посольства, и недавно изъявила желание покинуть данную ст'гану, несмотр'гя на то, что та благоденствует и п'гоцветает под вашим чутким 'гуководством. Кто угадает, какие мотивы движут се'гдцем женщины? Тем не менее, мой до'го'гой, она изъявила желание стать подданной Его Импе'гаторского Величества Вильяма Вто'гого; и кто я такой, чтобы п'готивиться женской воле? Посему – ставлю вас в известность о недопущении а'геста оной дамы... – голос посла незаметно налился жёсткостью, – и т'гебую немедленного её освобождения.

Марта вникала с пятого слова на десятое, да и картавость приезжего вельможи не способствовала пониманию его речевых изысков. Но смысл был ясен: отпустить Анну, и точка! Будто он имел право требовать, этот индюк! Она непроизвольно подалась вперёд, чтобы лучше видеть и слышать. Шажок вроде и крошечный, но капитан, стоявший к ней ближе, напрягся и чуть отклонился вправо, как бы... заслоняя её? Уловив каким-то шестым чувством, что ей лучше не высываться, Марта замерла.

– Объяснитесь, сэр Гордон, – с вежливым недоумением отвечивал герцог, – о какой *даме* идёт речь? И если оная здесь присутствует – найдётся ли у вас письменное свидетельство о её новом статусе? Я имею в виду подданство.

Глаза Анны заблестели. Марте казалось, ещё немного – и она устроит пляску на костях... на её, Мартиных. «С-сучка

благородная!» — ко времени вспомнила она слова солдата, двинувшего ей под рёбра там, на лесной поляне... вот-вот, то самое слово и есть. Сэр посол тем временем небрежно изъяс из-за отворота манжета малый свиток с болтающейся на нём печатью красного сургуча.

— П'гошу, ваша светлость, — с неким оттенком превосходства произнёс. И даже губу оттопырил, не успев скрыть презрения — к происходящему и к окружающим. Марте с самого начала был неприятен и этот тип, и его лошади, которые тоже презрительно оттопыривали губы, но больше всех ей была неприятна маленькая благородная сучка, которая, оказывается, выросла — и превратилась в большую благородную сучку, и ничего в ней не поменялось, ничегошеньки.

Его светлость документ изучил. Тщательно. И вернул. Равнодушно.

— Не спорю, с точки зрения стилистики изложено верно, — уронил он. В груди у Марты так и ёкнуло: неужели отпустит обоих? Однако герцог продолжил совсем не так, как, очевидно, ожидал кружевной посол неведомой Марте Империи. — Не понимаю ваших претензий, сэр Гордон. В этом документе чёрным по белому сказано о даровании бриттского подданства некоей Анне де Бирс де Фуа д'Эстре... это моей супруге, что ли? И что, подданство предоставлено по её личному прошению? Скажите, а заверено данное прошение оттиском личной печати д'Эстре, означающим безусловное согласие её законного супруга на сию акцию, как и полагается перед ли-

цом закона? Я вижу здесь только один документ, и на нём – печать посольства, но не моя... дорогой друг. Предъявите мне моё собственное согласие!

Посол как-то разом сдулся и впервые со времени своего появления покосился на Анну. Та была явно растеряна.

– Печати нет, – вкрадчиво сказал герцог. – И знаете, почему? Потому что её и быть не могло у самозванки, которую вы приняли за мою супругу. Дорогой друг, вас, похоже, здорово надули, пытаюсь подобраться поближе к вашему драгоценному телу, или что ещё более вероятно – к вашим секретам. Вернётесь в посольство – проверьте, все ли бумаги на месте. И фамильные безделушки, кстати... Мои, – он произнёс это слово с нажимом, – на месте. И знаете, почему?

– Почему? – машинально переспросил сэр Гордон. – Однако, ваша св...

– Потому что моя печать, моё обручальное кольцо с этой печатью, моя жена с этим кольцом на руке – тоже на месте. При мне. Хотите убедиться?

– Докажите! – с неожиданным злорадством выпалил посол, как-то разом и вдруг растерявший величавость и замашки доброго снисходительного дядюшки. – Ваши доказательства п'готив моих, а? Что? И я пове'гю и сниму все п'гетензии!

– Ловлю вас на слове, д'гуг мой.

Герцог насмешливо сверкнул глазами. И сделал то, что никто в мире от него не ожидал.

Повернулся прямо к Марте, будто глаза у него были на затылке и он знал, что всё это время она послушно держится рядышком, как тогда, пока он спал...

Учтиво протянул руку. Ей, именно ей, больше никого рядом в тени балкончика не было!

И замер, поджидая. Её поджидая.

Марта заглянула в тёмно-вишнёвые глаза, в которых затаилось напряжение, на тонкую жилку, бьющуюся на виске – и пропала. Ноги сами шагнули навстречу его светлости Жильберту Анри Рене де Бриссаку де Фуа д'Эстре. Не могла она его подвести. Не могла. Так и вышла – из тени на яркое утреннее солнце, на всеобщее обозрение, под прицел нескольких десятков глаз. И совсем случайно – такого нарочно не подгадаешь – налетевший порыв ветра сорвал с её головы капюшон и заиграл растрёпанными косами, вспыхнувшими в рассветных лучах чистым золотом. Ещё чище, чем у той, что уставилась на неё во все глаза и, кажется, всей своей гнусной сущностью завопила: «Да как она смеет?»

А вот посмела.

Его сиятельство перехватил нежные девичьи пальчики, пожал и улыбнулся.

– Не бойся этой страшной женщины, дорогая. – Голос его был звучен, слова отчётливы, и даже те, кто находился в самых отдалённых рядах построения, слышали всё до мельчайших подробностей. – Она больше не навредит ни тебе, ни кому либо ещё, обещаю.

Марта опустила глаза. Сказать что-то лишнее боялась, а потому молчала.

– Но она не может быть вашей... – начал в запале посол. – Это ведь... – И запнулся.

– Да?.. – выжидательно повернулся к нему герцог. – Продолжайте. – Не дождавшись ответа, продолжил сам. – Её опознают везде – и при дворе, и в собственном доме; и даже некоторые мои подчинённые имеют честь быть знакомы с ней лично. Не правда ли, капитан? А главное, – он приподнял ручку Марты так, чтобы всем было видно кольцо с крупным бриллиантом, – вот то, о чём я упоминал. Кольцо с вырезанной моей именной печатью. Какие вам ещё нужны доказательства, что моя жена – это моя жена? Брачное свидетельство? Показания очевидцев нашей совместной жизни? Господин посол, я ценю сотрудничество с вашей славной державой, но не могу не отметить, что дипломатическая неприкосновенность не даёт вам права вторгаться в мою личную жизнь. Это приватная территория, и я не позволю ступить на неё никому!

Сэр Гордон судорожно повёл подбородком и оттянул край жабо, словно задышался.

– Кто же, в таком случае, эта дама? – Он вяло махнул в сторону Анны, в чьих глазах зарождались понимание и ужас.

– Откуда я знаю? – герцог пожал плечами. – Это мы сейчас и выясним. Кстати, почему вы уверены, что она – дама? Из-за её красоты? Уверяю, среди простолюдинок вы ещё и



не таких встретите, некоторые любители из высшего сословия довольно часто резвятся на вольных полях, улучшая породу... Не проводить ли вас до вашей резиденции, господин посол? Время позднее... или, может быть, раннее, о вас, должно быть, уже беспокоятся в посольстве. Капитан, выделите сэру Гордону провожатых, и не менее дюжины, дабы проявить достойное уважение к представителю Императора Вильяма Второго.

– А... что будет с ней? – посол, не в силах отвести взгляд от умоляющих глаз связанной женщины, не двигался с места, несмотря на то, что перед ним уже распахнули дверцу кареты.

– Это не должно вас беспокоить. Установим личность, проведём дознание по всей форме, а потом вздёрнем побыстрому. Чтобы неповадно было другим.

– Но...

Анна забилась в сильных руках солдат.

– Прощайте, господин посол, – закончил герцог. И отвернулся.

На негнущихся ногах бритт кое-как вскарабкался по откидной ступеньке в экипаж, за ним услужливо захлопнули дверцу, едва не наподдав по филейным частям тела. Или всё-таки наподдав? Анну тащили в тюрьму двое, третий подталкивал со спины, женщина упиралась, умоляюще мычала, по лицу её текли слёзы.

– Кричи, Анна, кричи, – сказал герцог. – Может, я и

впрямь пожалею тебя и прикажу всего лишь повесить... Уводите же! – крикнул со внезапно прорвавшимся раздражением. – Моей супруге ни к чему это видеть.

После этих слов Анна рухнула как подкошенная. Так её и поволокли, бесчувственную. В пыточную.

А с герцогом стало твориться что-то странное. Глаза почти побелели. Рука, сжимающая пальцы Марты, стиснула их с такой силой, что та невольно вскрикнула.

– Прос-с-сти, дорогая, – неживым голосом отозвался его светлость. Ослабил хватку и почтительно поцеловал Марте руку. – Я слишком хорошо представил, что тебе пришлось вынести по вине этой твари. И не только тебе. Мэтр Карр, – повернулся он к коменданту. – Вы ведь родом из Анжи, так, кажется? И несколько ваших допросных дел мастеров тоже?

– Точно так, ваша светлость. – Комендант поклонился. Взглянул настороженно.

– Так прочтите это сами и зачитайте своим землякам. – Герцог вытянул из кармана одну из утренних депеш. Речь его была по-прежнему какой-то заторможенной. – И пересматривайте время от времени, если вам покажется, что ваша новая подопечная достойна жалости; это при её непосредственном содействии был взломан магический охранный барьер по всему периметру. А сейчас прошу извинить, мне... – Он вдруг умолк, будто разом забыв все слова.

– Его светлости нужно препроводить супругу в родной дом, – подхватил капитан Винсент. На герцога он погляды-

вал с плохо скрываемым беспокойством.

– Правильно, – кивнул тот. – Дабы...

– ... лично убедиться в её безопасности и обеспечить неусыпную заботу.

– Совершенно верно, Винс-с-сент. Ты понимаешь меня с полуслова. Мэтр Карр, вы, кажется, любезно согласились предоставить нам карету?

– Она готова, ваша светлость.

– Хорошо. Я вернусь часа через два; займитесь предварительным допросом. Однако помните: к моему приходу арестованная должна быть не только живой, но в состоянии давать показания. Желательно – искренние. Но! – герцог внезапно вспыхнул. – Не позволяйте ей пачкать моё имя! Ни моё, ни моей супруги!

– Я всё понял, ваша светлость, – с достоинством ответил комендант.

Полученный от герцога свиток он держал так, будто тот жёг ему руку.

Застывшую, замороженную не хуже герцога Марту посадили в карету. Рядом на диван, обитый бархатом, тяжело опустился тот, кто совсем недавно во всеуслышание объявил её супругой, а законную жену отдал палачам.

– Винсент, ты мне нужен, – бесцветно сказал он. Капитан, словно давно поджидая, что его позовут, запрыгнул в карету, почти не коснувшись подножки.

Пока выезжали со двора, пока пересекали мост и направ-

лялись к городу, никто не проронил ни слова. Наконец капитан подал голос.

– Что там в Анжи?

– У тебя найдётся выпить? – неожиданно спросил герцог. Капитан снял с пояса флягу.

– Ром. Аккуратней, штука заборис...

Его светлость опрокинул в себя содержимое фляжки, не поморщившись. Прижал ладонь ко рту, как простецкий раб-ботяга после глотка слишком уж ядрёного хмельного, выдохнул.

– Прорыв магической защиты, как я уже говорил, – сказал совершенно нормальным голосом. – С предварительным уничтожением базовых огневых точек. Из леса со стороны Хаальдена прорвались орки. Дикие, неклеймёные. Пятнадцать местных мужчин выхолощены и распяты на воротах собственных домов, остальные посажены на колья и выстроены в два ряда. Двадцать две изнасилованные женщины со вспоротыми животами. Четыре беременных. Выпотрошены. Сказать, что сотворили с нерождёнными младенцами?

– Не надо. – Капитан кивком показал на побелевшую Марту. – Я прочту сам, когда вернусь.

– Вот-вот, почитай. – Отвернулся к окну. Коснулся ледяной руки Марты. – Прости, девочка, – сказал, не поворачиваясь. – Я не хотел тебя втягивать во всё это, так уж получилось... – Поболтал фляжку, на дне что-то булькнуло. – Нака, выпей. Быстро, одним махом. Знаю, что непривычно, но

тебе сейчас это нужно. Давай-давай, побыстренько...

Вспомнив, как её вчера сразу повело после вина, Марта собралась с духом. И пусть развезёт! Может, хоть на минуту она забудет о том страшном и непонятном, что вокруг творится... Тростниковый спирт обжёг горло, перехватил дыхание. Она закашлялась сквозь слёзы, но тут же почувствовала, как вниз, к сердцу, пролегла огненная дорожка, от которой загорелось всё внутри. На пустой-то желудок... Почему-то в последнее время её только поили, а вот поесть никто не предлагал.

Герцог подхватил пошатнувшуюся девушку, осторожно уложил на диванные подушки, мысленно поблагодарив коменданта за заботу о его комфорте.

– Поспи, Марта, не слушай нас.

Повернулся к капитану.

– Дело стало слишком шумным, такого не утаить. Мы задела бриттов, сильно задела, и теперь они начнут целую кампанию порочащих слухов. Винс, нам нужна легенда. Добротная, крепкая, душещипательная легенда о похищенной жене герцога, о коварных заговорщиках, об авантюристке-самозванке... И сейчас мы с тобой эту сказочку придумаем.

И оба посмотрели на Марту, которую, кажется, моментально сморило. Была она чудо как хороша, трогательна, беспомощна... совсем как Анна. Герцог поморщился. Да, совсем как его жена в первую неделю после свадьбы. Теперь-то он понимал: супруга намеренно гасила в себе порывы, могу-

щие повредить её образу, воплощению кротости и невинности. Его светлость горестно усмехнулся. Анна не была невинной. Он узнал об этом далеко не в первую ночь, нет, тогда всё прошло, как полагается: робкие ответные ласки, закушенные губы, кровь на простынях... Три дня после этого его не подпускали к телу, ссылаясь на ужасные рези. И он, дурак, пошёл.

За два года супружества его светлость успел привыкнуть к флюидам лживости и лицемерия, исходившим от его законной половины, а вот Марта была словно окутана дымкой чистоты, он почти осязал её, прикасаясь к дивным золотистым прядям, глядя по голове... Удивительно, что он не заметил этого сразу. Впрочем, гнев – плохой советчик.

Герцог кинул быстрый взгляд на Винсента. Тот сидел с совершенно непроницаемым лицом. Как будто каждый день правитель обширной провинции Галлии, любимец короля, свирепый воин, безжалостный судия – любовался простой селянкой и осторожно, не желая потревожить её сон, убирал пряди со лба.

– Винс, ты-то сам – неужели не заметил разницы?

– Вы, ваша светлость, законный супруг, и то сомневались, так куда уж мне... Лицом-то они с Анной сами видите, как схожи. Если бы знать заранее, что нам другую подставят – может, и пригляделись с самого начала. А тут – нашли, кого надо, повязали, обнаружили бумаги; что ж, делу конец. Вот когда она туфли на каждом шагу терять начала – тут я заду-

мался. Да и ростом она ниже, у меня глазомер хороший.

– А почему молчал?

Капитан пожал плечами. Пластины наплечников чуть слышно потёрлись друг о друга.

– Но ведь документы нашлись? Их всё равно нужно было доставить в первую очередь. Даже если допустить, что нам подсунули вместо Анны подставу – что ж, иногда нужно и заглотнуть наживку, чтобы увидеть ловца. Увидели?

– Да, похоже, мы заставили его проговориться. – Герцог усмехнулся, вспоминая заметно растерявшего апломб бриттского посла. – Тебе бы моё место занять, с твоим умом-то, Винс. А я пошёл бы в капитаны. Меняемся?

– Рожей не вышли, ваша светлость, – хладнокровно ответил капитан. – На моих-то молодцах поболее таких шрамов будет, и не только на мордах. Вот как заработаете столько же – тогда приходите. Может, и поменяемся.

Марта, добросовестно притворяющаяся спящей, зажмурилась сильнее, чтобы не слышать таких ужасных слов. Что-то сейчас будет? К её удивлению, герцог лишь насмешливо фыркнул:

– Пил вроде бы я, а хамишь ты... Ладно, Винсент, хватит меня развлекать. Я в порядке. В следующий раз просто сразу сунь мне свою флягу.

– Я запомню. С чего на вас так накатило, ваша светлость?

– Не поверишь... – Герцог потряс пустой фляжкой, вернул капитану. – Испугался. Был на грани срыва. Ох, как она

меня завела своей беременностью... Она же дважды скидывала дитя от меня. Первый раз я даже поверил, что это случайность, якобы из-за падения с лошади; утешал её, скорбел вместе с ней. И она так натурально горевала... Во второй – нашёл почти пустой пузырьёк из-под настойки пижмы с девясилом, убойная смесь... Ребёнок, если остаётся цел, чаще всего рождается уродом. А теперь – она мне объявляет, что брюхата, да ещё требует, чтобы я при этом взял её под защиту!

...Он отыскал знахарку, у которой Анна пополняла запасы адского зелья. Эта же ведьма в своё время ухитрилась подлатать порушенную девственность юной невесте герцога, по глупости поддавшейся на уговоры и ласки... его светлость догадывался, чьи. Но думать об этом больше не желал. Довольно грязно.

– Ваша светлость, – подал голос синеглазый капитан, – а вы точно уверены, что этот ребёнок не...

– Не мой? Безусловно. Я не касался её больше года, с тех пор, как она впервые наставила мне рога. Больше года... – задумчиво повторил герцог. – Вот, пожалуй, ключевой момент, от которого можно оттолкнуться. Вернёмся к нашей теме. Слово «самозванка» уже прозвучало, хоть и в запале, но услышано всеми и теперь будет подхвачено. Каждому солдату рот не заткнёшь, и уже через полчаса новость полетит по Эстре, обрастая подробностями, но вот какими? Сволочь Гордон наверняка раскроет свой ларец со сплетнями, а мы,



в пику ему – свой. Но он-то знает далеко не всё! А в споре сплетен побеждает та, что наиболее близка к правде. Особенно жалостливая... От этого и начнём плясать. Итак...

Он помолчал, прикрыв глаза. Карету покачивало на ресорах, но гораздо мягче, чем возок, в котором добирались до Эстре, и Марта едва не заснула по-настоящему, убаюканная. Экипаж развернулся – и прямо в лицо девушке засветило солнце. Капитан с герцогом, не сговариваясь, опустили плотные занавески на окнах. Переглянулись.

– Всё, что вытворялось Анной де Фуа д'Эстре, – начал его светлость, – а именно: любовные похождения, скандальные выходки и прочая и прочая – совершалось не ею, а лже-супугой, специально подставленной герцогу для замарывания его имени, подрыва репутации и очернения в глазах Его Величества. Цель ясна: герцога – в опалу! Да, многим хотелось бы дожидаться этого светлого часа. Но, на своё счастье, я терпелив и кроток... – Капитан фыркнул. – Да-да, не смейся, тебе ещё предстоит упорядочить эту ахиною. Итак: не дождавшись, чтобы я сам подставил голову под топор, придушив однажды во гневе блудную супругу, заговорщики – а наверняка злодейка действовала не одна, а с кем-то ещё – решились на крайние меры. Кража, шпионаж, последовавшие за ними провокации на границе государств, мир с которыми весьма хлипкок...

– Пока убедительно, – кивнул Винсент. – И даже смахивает на правду. Но ведь проще, похитив настоящую супру-

гу, убить её – и дело с концом, чем держать непонятно где и неизвестно сколько времени. Она ведь может и сбежать, и самозванку разоблачить. Как вы это объясните?

– Объясню. Её берегли именно для того, чтобы потом, когда главное деяние – кража документов из дома герцога – будет совершено, обеспечить лже-Анне пути отступления, сбить со следа погоню, выиграть время. Поэтому-то настоящую Анну и томили в заточении где-то неподалёку. Кормили впроголодь, измывались, поили какой-то дрянью, отбивающей память – чтобы не узнала своих мучителей, если случится вернуться к мужу и всё рассказать. Отбивающей память, – повторил он, словно пробуя слова на вкус. Почесал бровь. – А знаешь, это выход. Это как раз многое объяснит в её изменившемся поведении.

– Ваша светлость, – капитан поморщился. – Так ведь можно дойти до того, что её втихаря за дурочку начнут считать. Пойдут слухи... Напрямую, конечно, не скажут, но за глаза... Ну, посмотрите, какая из неё герцогиня? Нет, если приодеть, причесать, обвесить драгоценностями – это сразу многим отведёт глаза. В первый момент. А что будет, когда она заговорит? Вам же по протоколу полагается иногда появляться с супругой в обществе; и кого вы им представите? Дамы – те вмиг раскусят, что не их поля ягода. С мужчиной она беседу поддержать не сумеет, оконфузится. Ни танцевать, ни слово умное сказать, ни на прислугу прикрикнуть... Анна ваша ведь в пансионе при монастыре обучалась? А до

этого жила в замке, где ей никто слова поперёк не мог сказать, оттого и избалована сверх меры. Ваша светлость, хоть как память затирай, но манеры и привычки не забываются. Они или есть, или их нет.

– Наймём учителей, – буркнул герцог. Покосился на Марту – всё никак не мог понять, спит она или нет? – Она девочка умненькая, старательная; справится.

– Учителей... – Капитан Винсент позволил себе скептически усмехнуться. – Они-то и разоблачат её в первую очередь. Как возьмёт книгу вверх ногами...

– Винс! – герцог начал терять терпение. – Ты думаешь, они будут проходить с ней университетский курс? Всё, что ей надо – выйти на уровень пансиона, а многому ли там учат? В основном, долбят катехизис и жития святых, обучают ведению хозяйства и основам этикета! – Он сердито отвернулся. – Что-то не замечал я в Анне большого ума. Хитра – этого не отнимешь, но хитрость сиюминутная, недалёкая. Знаний у неё мизер, сама она особо не болтала и мыслей не высказывала, в основном слушала; а потом всем услышанным делилась с новым собеседником, вот и весь ум. Каких изысков ты хочешь от этой девочки?

– Я хочу? Я хотел бы, чтобы вы оставили её в покое, ваша светлость, – неожиданно устало сказал капитал. – Иногда рядом с вами бывает опасно. Но ведь от моего желания ничего не зависит, не так ли? Что, если найдутся те, кто знал вашу супругу до этой мифической подмены? И тогда именно её, –

кивнул он на Марту, – обвиняя в самозванстве! Вы не хуже меня знаете, что если простолюдин выдаёт себя за дворянина, его казнят. Какую участь вы ей готовите, ваша светлость?

– Участь, – пробормотал герцог, прикрывая глаза. – Перестань пороть чепуху, Винсент. Я просто переделаю ей судьбу. Что ждёт её дома? Блудодей де Бирс? Между прочим, ты знаешь, что она – до сих пор невинна?

Щёки капитана внезапно вспыхнули.

– Так вы не...

– Представь себе, не воспользовался. И не потому, что не было времени. Сказать откровенно – пожалел. Вот и подумай: если такую красотку до сих пор не прибрали к рукам – приберут в ближайшее время. Иных вариантов нет, если только она не сожжёт себе лицо, дабы стать уродиной, но на подобное мало кто решается. Я же – дам ей всё. Мир. Покой. Счастье... надеюсь.

– Ей – или себе?

Мужчины посмотрели друг другу в глаза.

– Иди на моё место, умник. А мне, пожалуй, лучше всё-таки в капитаны.

– Вакансия занята, ваша светлость, – отрезал синеглазый. Помолчав, добавил: – Она хоть грамотна, эта ваша... наша новая герцогиня? Или так крестиком и подписывается, как все селяне?

И тут Марте стало обидно. Хмель, как накатил внезапно, так быстро и выветрился, и ежели начало беседы она слыша-

ла как через вату, то окончание разобрала достаточно хорошо.

– Я умею читать, – сердито пробормотала она, открывая глаза. И поспешила сесть, роняя подушки, потому что невозможно разлёживаться, когда на тебя с величайшим изумлением смотрят двое мужчин. Торопливо пригладила рукой выбившиеся из косы волосы. – И пишу немного. И... четыре действия арифметики знаю, а ещё – дроби. Так что зря это вы, господин Вин... господин капитан. Не такая уж я и дуручка.

– Всё слышала? – вкрадчиво поинтересовался герцог. – Тем лучше, не нужно пересказывать. А скажи мне, Марта, откуда в вашей Богом забытой деревушке нашлись умники, что тебя грамоте научили? Нет, я не к тому, что это плохо, но тебе-то – зачем? Для чего? Снопы вязать? Корову доить?

– Матушка наставляла, пока жива была: нельзя расти невеждой, – сдержанно отозвалась Марта. И даже губы поджала. Впервые со времени ночного бдения она рассердилась на герцога; не то, чтобы сильно, но всё же. – Как могла, учила меня всему, что знала. После неё – дядя Жан, он у нас умный, мастер, даже в гильдии записан.

Существовала ещё одна причина, по которой Марта в своё время до мельтешения в глазах твердила буквы и цифры. Но о ней никому знать не положено. Даже их светлости.

– Я же говорил, – герцог с удовольствием оглядел Марту с головы до ног, будто впервые видел. – Она умница, Вин-

сент, она справится. Надо только продумать детали её появления. А теперь помолчи немного, милая, посмотри в окошко. — Предупредительно отодвинул шторы. — Ты ведь ни разу не была в городе? Любуйся, там интересно. А мы с капитаном должны кое о чём договорить.

С досадой Марта отвернулась к окну. Вот как он умудрился — и похвалить, и в то же время её одёрнуть: мол, не лезь в своё дело? А ведь она только из-за него на всё это согласилась... Впрочем, обида сразу же забылась, потому что снаружи и впрямь было интересно. Трёхэтажные дома показались ей невероятно большими, ведь в Саре построек более чем в два этажа не водилось. А четырёхэтажные — привели в восторг: чудилось, что шпили и башенки мансард царапают облака, не иначе. И народу, народу! Откуда столько? На одной такой улочке, поди, людей сновало больше, чем во всей их деревне. Одеты по-господски... Ан нет, не все и не совсем, в основном — проще, чем господа, удобнее; наверное, всё больше здесь из простых людей. Дядя Жан часто вспоминал о городе, и Марта из своего запечного уголка любила прислушиваться к историям, которые он затевал ребятишкам на ночь вместо сказок. Тогда город Эстре казался ей волшебным, им можно было восхищаться вечно, мечтать увидеть хоть одним глазком, но в глубине души осознавать несбыточность желаний. Сар был незыблем и вечен, вне его границ жизни не существовало, разве что соседний городишко на десять домов, в котором по весне и осени проводились ярмарки. Какая там

столица! Дядя Жан придумал её, прочитав как-то о ней в старой-престарой книжке, рассыпающейся от ветхости.

Но вот увидела своими глазами – и с восторгом узнала и обширную городскую площадь, замощённую цветастым камнем, прямо в месте схождения четырёх улиц, и ратушу, и собор... ах, вот какого святого собор – запомняла. Перед этим завораживающим зрелищем даже отступило недавнишнее мрачное прошлое.

Герцог не мог оторваться от созерцания девичьего профиля. Ещё немного – и она расплющит носик о стекло, так засмотрелась, и как восторженно блестят у неё глазёнки! Телом – взрослая девушка, а разумом совсем дитя. Оно и к лучшему. Будет впитывать новое, как губка. Приспособится. Да и он рядом, поможет... Губы отчего-то пересохли.

– Продолжим. – Он, наконец, отвёл глаза. – Достроим костяк, на который нарастим остальное.

– Время, ваша светлость.

– Не понял?

– Мы должны определиться со временем, в которое и произошла, собственно, подмена подлинной герцогини на фальшивую. Выбрать тот момент, когда вашу *настоящую* супругу могли похитить – бесшумно, незаметно, так, чтобы и комар носу не подточил. И, в то же время, чтобы объяснения не были притянуты за уши.

– Есть такое время, – герцог кивнул. – Больше года назад мне пришлось отъехать из Фуа на встречу с бриттами. Пе-

реговоры намечались долгие, Анна бесилась в поместье от скуки, да и отношения наши к тому времени были уже не из лёгких. Вот тогда я и решил вывести её с собой, в Эстре, думал – отвлечётся, повертится в свете, займётся, как и полагается первой даме, благотворительностью в каких-нибудь богоугодных заведениях... Думал, ей в деревне просто нечего делать, а здесь будет занята, поумнеет. Глядишь – что-нибудь у нас и наладилось бы. Но мне пришлось выехать на три дня раньше, поэтому из Фуа она отправилась одна. Да, конечно, с отрядом сопровождения, с целым штатом горничных, она была у всех на глазах, но кто же знал...

Голос герцога дрогнул, Марта, насторожилась.

– Кто мог предполагать, что во время ночёвки на одном из постоянных дворов мою голубку похитят?

От изумления Марта даже приоткрыла рот. Его светлость продолжал с надрывом:

– Заговорщики точно рассчитали: они знали, что госпожа Анна терпеть не может присутствия горничных, когда нежится в ванне; она и в дороге не изменяла своим привычкам. Пока девушки готовили госпоже постель в соседней комнате, злоумышленники похитили мою супругу, уведя через тайный ход, и из ванной вышла уже не Анна, а женщина, похожая на неё как две капли воды. Даже родинка на правой ягодице была нарисована точь-в-точь такая же... – Герцог грустно умолк. – Вот потому-то после приезда в городской дом она так разительно переменилась. Я был занят на пере-



говорах. Я винил себя – в недостаточном внимании, в отсутствии сочувствия к супруге после очередной потери ребёнка, но... как я был слеп! Жалость и доброта не позволили мне разглядеть змею, пригревшуюся на груди.

Медленно и с каменным лицом капитан трижды хлопнул в ладоши, как зритель балаганчика, выражающий восхищение странствующим актёрам.

– Браво, ваша светлость. Вы почти не переигрываете.

– Чёрт, – герцог потёр лоб. – Ерунда какая-то получается. Но суть изложена, её мы и запустим в толпу, а уж она додумает такие детали, на которые у нас с тобой, друг мой, и воображения не хватит. Да, импровизация с Мартой была чистой воды авантюра, но не мог я тогда позволить Анне уйти, не как супруг – ибо я брезглив и чужие объедки мне ни к чему, а как герцог. Как правитель. Она – преступница, Винс. – На лбу его светлости обозначилась тонкая морщинка, и вновь заалел шрам над губой. – Ты ведь помнишь Анжи? Как нас встречали жители, какой праздник устроили в честь освобождения от нечисти, как благодарили за защиту и барьер! Они думали, что теперь им можно не бояться ни за себя, ни за своих детей. Они жили, работали, платили налоги, влюблялись, рожали – мои люди, мои подданные, мои будущие солдаты, крестьяне, мастеровые. А их – на колья... И долго те, кто остался жив, будут проклинять меня за то, что просмотрел измену в собственном доме. А дел-то было – не спустить ей в самый первый раз, когда она связалась с

этим танцором... – Герцог, поморщившись, невольно потрогал шрам, будто тот нарывал. – Выпороть, посадить на хлеб и воду, запереть в монастыре – и все были бы живы. Все. А сейчас... она сама себя привела к такому концу. Не будем больше об этом. Анна?

Последнее слово прозвучало неожиданно. Марта вздрогнула, лишь по взгляду герцога поняв, что обратились именно к ней.

– Да, ваша светлость?

– Умница. Привыкай. Только с этой «светлостью» надо что-то делать, ненормально, когда супруги друг друга по титулам называют... Жильберт. Жиль. Поняла?

У Марты вдруг выступили слёзы на глазах.

– Не могу. Простите, ваша светлость...

Капитан хлопнул герцога по коленке.

– Не торопите девочку. Сейчас она ведёт себя так, как нам и нужно. Представьте, как это выглядит со стороны: её только что освободили, до этого она провела в заточении год, запуганная, всеми забытая, потеряв надежду на помощь. Да ещё и одурманенная, оттого вас почти не помнит. Она сейчас ото всех будет шарахаться. Ей нужно осмотреться, успокоиться, понять, наконец, что она в безопасности. Дайте ей привыкнуть.

Это... Марта захлопала ресницами. Это он про неё, что ли? Вернее, про ту, «настоящую» Анну, которой ей придётся стать?

И только сейчас осознала, насколько увязла.

Она закрыла лицо руками.

– Я не смогу, – сказала в отчаянии. – Не смогу, не смогу...

Я простая деревенская дурочка, я ничего не умею, я подведу вас, ваша светлость. Лучше отправьте меня домой. – Торопливо сдёрнула чужое обручальное кольцо и протянула герцогу. – Вот. Мне ничего не нужно, только отпустите меня. Пожалуйста, – добавила шёпотом.

И приготовилась к великому гневу.

Её рука с протянутым кольцом повисла в воздухе.

Герцог осторожно взялся за ободок.

– Глупенькая маленькая девочка, – сказал печально. – Куда – домой? Ты не понимаешь, что это опасно? До тех пор, пока тебя видели только те, кто арестовывал, можно было объявить об ошибке, что я и собирался сделать. И тогда прекрасно сработал бы мой первый план. Но обстоятельства изменились – и я был вынужден выставить тебя перед всеми, как жену, как жертву обстоятельств. Прости. Это мои амбиции, моя месть подонку Гордону. Девочка, я в большом долгу перед тобой, а в роду д'Эстре принято рассчитываться по долгам. Никуда я тебя не отпущу – ради твоей же собственной безопасности. Для многих ты станешь слишком лакомой добычей, а вот в моём доме тебе ничего не угрожает.

Он водворил кольцо на место.

– Этим кольцом, Марта...

В изумлении она подняла глаза.

– Вот тебе моя клятва сеньора... Этим кольцом я запечатываю своё обещание – быть тебе всегда защитой и опорой. Заботиться о тебе и оберегать. Кто бы ты ни была по происхождению – волей случая ты теперь носишь моё имя, и я обещаю относиться к тебе с должным уважением и покарать каждого, кто этого уважения не проявит. Ничего не бойся. Я рядом.

Она в растерянности опустила руки. Посмотрела на сияющую звезду на пальце. Такие-то слова при обручении говорят, а не... Щёки обдало жаром. Нет. Нет, простушка Марта, это не то, о чём ты думаешь. Ты просто ему нужна.

Негромко кашлянул Винсент.

– Приехали, ваши светлости. Я вам ещё нужен?

– Да, Винс. Нам предстоит нелёгкая встреча с целым штатом прислуги, которой в своё время пришлось натерпеться от моей благоверной. Представь себе этот враждующий лагерь, который тайно и явно надеется, что нога Анны больше не переступит порог Гайярда. Представь, как они сейчас «возрадуются»... Впрочем, нам достаточно обезвредить и настроить на нужный лад всего двоих, они довершат остальное. Я беру на себя Франсуа, тебе поручаю матушку.

Капитан совершенно простецки почесал за ухом.

– Хм... лучше бы наоборот. Впрочем, как скажете.

– Дорогая, – герцог тронул Марту за руку, и девушка отмерла. Кинула на него затравленный взгляд. – Урок первый. – Он будто не замечал её состояния. – Из кареты сперва

выходит кавалер; если их несколько...

Девушка так и обратилась в слух. Ох, только бы не опозориться на самом первом испытании!

— ... вначале выходит тот, кто менее титулован, либо, если титулы равны — младший, либо — при всех прочих равных условиях — тот, кто ближе к двери. Далее — по ранжиру... по возрастанию важности, — улыбнувшись, пояснил герцог, а девушка повторила про себя мудрёное слово: «по ранжиру». Надо запоминать всё незнакомое. — Потом идёт дама, которой кавалер непременно должен помочь спуститься, предложив руку. Руку не подали — жди с надменным лицом, пусть забегают, засуетятся. При усаживании в карету порядок обратный. Не забывай подбирать юбки, только не слишком высоко, это не совсем прилично — показывать свои ножки до колен. Ничего, со временем привыкнешь. Итак... Анна?

— Да, ваша светлость.

Герцог страдальчески заломил брови.

— Если трудно называть меня по имени — постарайся обойтись хотя бы без «светлости». Хорошо?

Марта кивнула.

Винсент уже поджидал их снаружи. Герцог, выходя, обернулся.

— Не вставай в полный рост, расшибёшь макушку. Это в моей собственной карете свод высокий, ты потом увидишь, а в этой, комендантской ниже. Всё, милая, пора. Да не дрожи так, не на казнь веду... — Поняв, что шутка неуместна,

добавил заботливо: – Может, рому? Там у капитана во фляге осталось пять капель, но тебе и того хватит.

Марта хотела обидеться, но вдруг поняла, что герцог шутит. Слабо улыбнулась.

– Что вы, ваша светлость. Да если мне все свои страхи вином заливать – этак и спиться недолго, я ж трусиха.

И, глубоко вздохнув для храбрости, поднялась, чтобы сделать второй шаг к новой жизни. Первый – был свершён там, на тюремном дворе, залитом утренним солнцем, когда на глазах у всех сиятельный принц – нет, герцог – попросил о помощи златовласку Золушку в пышном атласном платье и грубых деревянных башмаках.

## Глава 3

Марта настолько разволновалась, что поначалу даже не глянула – куда это они приехали? Она боялась оказаться слишком неуклюжей, зацепиться юбкой за ручку дверцы, стукнуться головой о потолок кареты... Оказывается, это целая наука – выйти правильно. Поэтому всё, что она в тот момент видела – надёжную руку герцога и его глаза, не суровые и требовательные, как тогда, во дворе острога, а с затаённой доброй усмешкой. Он не только поддержал «жёнушку», но и совершил невообразимое: вдруг ловко прихватил её за талию и сняв со ступеньки, бережно поставил на землю. Девушка только пискнула. Его светлость улыбнулся и, продолжая одной рукой обнимать хрупкий стан, другой повёл гостеприимно вокруг.

– Добро пожаловать домой...

И добавил тихо:

– ...Марта... Прости, милая, но я не смогу называть тебя этим именем слишком часто.

– Хорошо, ваша св... м-м...

– Жильберт, – шепнул он ей на ухо, и его дыхание защекотало Марте кожу. – Повторяй хотя бы мысленно – Жильберт. Хорошо?

Она кивнула. Господи Боже, а обязательно идти у всех на

виду вот так-то, обнявшись? У них в Саре подобных нежностей даже между супругами не водилось, но, может, здесь так принято? Марта, наконец, осмелилась поднять взгляд от дорожки, вымощенной белыми плитами, от носков сапог его светлости, глянула перед собой – и обомлела. Назвать обитель сиятельного герцога скромным городским домом не повернулся бы язык. Да хоть бы и не совсем скромным... В полном ошеломлении она уставилась на утопающий в зелени белоснежный замок, как лебедь, раскинувший два больших крыла. Густая бархатистая листва каштанов была щедро окроплена золотыми брызгами приближающейся осени, подножья пяти башен скрывались под сплошным ковром плетистых роз. Громадные окна сверкали цельными стёклами – редкостью небывалой; с высокого крыльца под ноги гостям и хозяевам сбегала, обтекая ступени мраморной лестницы, бесконечная ковровая дорожка, на которую и ступить-то было страшно. Однако его светлость шагнул, не дрогнув, да ещё и Марту за собой потащил. Что ж, видно, так и надо. Да, не забыть бы ей подбирать юбки, и не слишком высоко... Невольно Марта опять потупилась, следя, чтобы не навернуться на ходу, а когда подняла голову – они уже стояли перед высокими, почти как в соборе, дверьми. Однако церковные ворота обычно массивны и тяжелы даже с виду; их не откроешь запросто. Здешние же, застеклённые до половины, с лёгкостью распахнул перед ними великан лакей, разодетый не хуже бриттского посла. Отворил – и замер в поклоне.



– Здравствуй, Андреа, – кивнул на ходу герцог. – Пригласи ко мне мэтра Гийома и матушку Аглаю, быстро.

И повлѣк Марту далее, а та ещё успела заметить, что дюжий молодец сразу после его слов кинулся в огороженный закуток неподалѣку от входа и изо всех сил принялся дѣргать два витых шнура, вделанных, как поначалу показалось, прямо в стену. Большого ей не удалось разглядеть, потому что пришлось почти бежать – через весь необъятный холл, по мозаичному полу, по очередной ковровой дорожке, наверх, по широкой лестнице с широкими белыми перилами, с фигурными столбиками-балясинами, с мраморными голыми ребятишками и мраморными вазами с мраморным виноградом... Господи, сколько же здесь этого белого камня! Капитан Винсент от них не отставал, и его по равнодушному виду было похоже, что всё ему здесь знакомо и привычно.

На втором этаже, ещё в одном холле, сплошь в зеркалах, от пола до потолка, они остановились. Девушка так и замерла в восхищении.

– Нравится? – с гордостью спросил герцог.

Она только кивнула, жалея, что не хватает нужных слов. Ах, чего этой Анне не жилось спокойно? Да Марта согласилась бы пойти здесь в простые служанки, в прачки, в посудомойки, лишь бы каждый день видеть этакую красоту. Ей теперь казался убожеством старый замок барона де Бирса, с трещинами в стенах, неухоженный, со рвом загнивающей воды, со сломанным подъѣмным мостом, с осыпающей чере-

пищей. А здесь... Неужели в этом великолепии ещё и живут?

– Там гостиная и две столовых, большая и малая, – его светлость махнул в сторону широких двустворчатых дверей, щедро отделанных резьбой и позолотой. – Ну, и... много чего, туда ты ещё успеешь заглянуть, и не раз, а сейчас нам нужно тебя официально представить.

Офици... что?

Из боковой двери слева, столь же нарядной, как и центральная, торопливо выскочили мужчина и женщина. Седовласый господин, иначе не скажешь, в богатом камзоле, отделанном серебром, в туфлях с пряжками, как настоящий вельможа, в иное время, должно быть, выглядел величаво и загадочно, но сейчас запыхался от быстрого шага и вытирал на ходу платком испарину с высокого, с залысинами, лба. Его спутница, одетая не по-господски, но и не просто – в платье с бархатным лифом и белоснежным воротничком, в нарядном чепчике, отделанном кружевом – полная, статная, молодая, вдруг показалась Марте настолько знакомой, что так и потянуло оглянуться на капитана Винсента: сравнить и синеглазость, и русоволосость, и прямой решительный нос, и характерные скулы...

Эти двое, скорее всего те самые, кого затребовал к себе хозяин замка, уставились на неё, будто увидели привидение.

– Ну вот, милая, – сказал герцог ей ласково, – это и есть твой дом. *Наш* дом, ты поняла?

И Марте страстно захотелось, чтобы эти слова предназна-

чались именно ей, а не блудной Анне.

Его светлость повернулся к новым действующим лицам.

– Рад, что вы не заставили себя долго ждать, друзья мои. Догадываюсь, что вы, к сожалению, надеялись увидеть меня здесь одного, но...

Он расправил внушительные и без того плечи и добавил в голос повелительные обертона.

– Та женщина, которую я терпел в своём доме только из-за того, что она называлась моей супругой, на самом деле оказалась подменной, – сообщил он. – Мою жену, – обнял Марту за плечи, – похитили ещё год назад, подставив вместо неё двойника, лицом настолько похожего, что я не заметил разницы. Сейчас, когда обман раскрылся, самозванку ждёт заслуженное наказание. Настоящая Анна, моя истинная супруга вот она, перед вами, и... я рад, что всё обернулось именно так. – Он порывисто вздохнул, словно от волнения. – Мэтр Франсуа!

Мужественный старик, отмерев, выступил вперёд. Сдержанно поклонился. Печать недоверия и скорби на его лице не поддавалась описанию.

– Препоручаю вам мою законную супругу, чудом освобождённую из плена лишь недавно. Известите всех в этом доме: она никоим образом не отвечает за поступки своей предшественницы, чью гнусную сущность даже я не смог разгадать. Вы поняли? И прошу вас об особом внимании...

Прервавшись, он погладил Марту по голове, как ребёнка.

– Её почти год держали в заточении, в кошмарных условиях, из-за чего у бедняжки нелады с памятью. Она забыла многое из прошлой жизни и может на первых порах делать ошибки; нам всем нужно помочь ей стать преж... нет, просто обычной доброй Анной. Предупреждаю...

На последнем слове он слегка рыкнул. Марта испуганно покосилась на него снизу вверх.

– Если услышу хоть слово жалобы от моей супруги, увижу хоть тень недовольства на её личике; если кто-то из прислуги позволит себе малейший намёк на её прошлое, которое на самом деле не её, и на нынешнее состояние – пощады не ждите. Не прощу никому.

Посмотрел на вытянувшиеся лица мужчины и женщины и несколько смягчился.

– Дорогая, – обратился к Марте нежно, – позволь тебе представить: этот величественный муж – Франсуа Гийом, мой дворецкий, мои здешние голова и руки, а также бережённые нервы и неразлитая желчь. Матушка Аглая... Не удивляйся, что я зову её так: когда-то она была моей кормилицей а когда я подросток, не стеснялась драть меня за уши, не делая особо разницы между своим сыном и мной. Теперь она – здешняя домоправительница, хранительница очага, порядка и уюта, и держит под своей железной рукой женскую половину прислуги. Если тебе чем-то не понравится камеристка или горничная – сообщай ей напрямую, меня не дожидайся, поскольку я бываю дома лишь к вечеру. – Умолк, обвел

взглядом присутствующих, до сих пор застывших соляными столпами. – Всем всё ясно?

Молчание грозило затянуться. Герцог уже нетерпеливо приподнял бровь, когда женщина, словно очнувшись ото сна, присела в книксене.

– Ясно, ваша светлость; всего-навсего отправились за одной супругой, привезли другую. – Голос у неё был низкий, приятный. Но взгляд, коим она окинула Марту с головы до ног, оставался суровым. – Где соизволите разместить... – заминка была совсем крохотной, – ... госпожу Анну?

– То есть – как это где? – сердито сказал герцог. – В её...

И осёкся. После побега в покоях герцогини был устроен самый настоящий обыск. Серьёзный, вплоть до вспарывания обивки на мебели, отвинчивания ножек, простукивания и взламывания половиц. Надо сказать, мастера сыска трудились не зря: нашли несколько тайничков, в том числе и с похищенными черновыми письмами его светлости. Письма-то оказались пустяшные, беглянка не сочла нужным брать их с собой, либо просто забыла. А вот в гардеробной обнаружили, помимо обычных дамских нарядов, два мужских костюма и верёвочную лестницу. Оказывается, юная дама совершала по ночам вылазки невесть куда, не ставя при этом в известность ни дражайшего мужа, ни прислугу.

Само собой разумеется, что после обыска, а в особенности после выражения его светлостью сильного неудовольствия тайными пристрастиями сбежавшей – спальня и гостиная

преступной герцогини приобрели вид совсем уж непотребный. Пригласить туда чудом обретенную законную супругу не представлялось никакой возможности.

— ...В моих покоях, — выдохнул он, подумав, что вот сейчас-то Марта и заартачится. — Не ютиться же ей в гостевых комнатах! Матушка, живо подберите её светлости двух горничных, ей нужно привести себя в порядок и как следует отдохнуть. — Взял Марту под руку. — Пойдём, дорогая, я провожу тебя сам. Ты же здесь не была ни разу.

— Ваша светлость, — окликнул дворецкий, — осмелюсь спросить...

— Да?

— Мы не успеем привести комнаты госпожи в порядок к вечеру, это невозможно! Вы сами знаете, в каком они состоянии!

— Дорогой мой, — снисходительно отозвался герцог. — Я когда-нибудь требовал от вас невозможного? И сейчас не прошу. Делайте спокойно своё дело. Не вижу ничего особенного, если несколько дней жена поживёт на половине мужа. Посему — не суетитесь с ремонтом, мэтр Франсуа, вы же знаете, как я придиричив.

Старик сдержал вздох облегчения. Ох уж этот хозяин! То громит мебель и не разрешает даже ступить на половину же... жены? Или и впрямь — самозванки? Нет, наше дело маленькое, как его светлость обозначил, так и будем прозывать... То требует всё привести в порядок и в то же время —

не торопиться. А ты крутись как выюн на сковороде, угадывай...

По кивку герцога лакей распахнул перед ним с Мартой дверь, ведущую в правую половину дома, и торопливо победжал впереди. Дворецкий на цыпочках подошёл к двери, прислушался, осторожно прикрыл створку и только теперь позволил себе возмутиться.

– Что вы на это скажете, сударыня Аглая? – воззвал он к женщине. – Я не верю ни единому слову! И мы с вами должны поверить в эти рассказы?

Капитан, про которого, казалось, все забыли, напомнил о своём существовании.

– Тс-с! – Приложил палец к губам. – Спокойно, мэтр. Уж не намекаете ли вы на то, что наш сиятельный герцог говорит неправду? Закон об оскорблении его светлости всё ещё действует, и кому, как не мне, отслеживать его соблюдение!

Дворецкий сконфуженно умолк. Не то чтобы он опасался Винсента Модильяни – нет, он достаточно его знал, чтобы не бояться ляпнуть при нём лишнее; но только что ему намекнули на существенный служебный промах: слова и действия хозяев не обсуждаются. Какой пример он подаёт! Вот матушка Аглая – та молодчина...

Капитан мирно добавил:

– Должно быть, мне показалось. Советую и впредь воздержаться от высказываний по этому поводу. Помните: никаких разговоров и пересудов, никаких сплетен – ни здесь, ни на

кухне, ни в людской. – Посмотрел дворецкому в глаза, как бы закрепляя сказанное, и повернулся к женщине. – Пойдёмте, матушка, я вам сейчас всё объясню. А вы, мэтр Гийом, учтите: с вами его светлость собирался поговорить особо.

– Винсент!

Женский голос прервал капитана просто-таки громозвучно. Дворецкий украдкой перекрестился. Куда только подевались спокойствие и благожелательность матушки Аглаи! Уперев руки в бока, она сверкнула синими глазами.

– Паршивец этакий, отвечай, что здесь происходит? Что вы опять натворили?

– Матушка, ничего такого, чего можно было бы стыдиться. Прошу вас... – Капитан выразительно указал глазами на вернувшегося и застывшего на посту лакея. – Не здесь.

– Ах ты... – Домоправительница гневно задышала, взметнула юбками и ринулась к лестнице на третий этаж, где находились комнаты прислуги. Бросила через плечо:

– Марш за мной, негодник, и я заставлю тебя выложить всю правду!

Она даже не оглянулась проверить, идёт ли за ней мужественный капитан рейтаров. Не сомневалась, что спешит, ломая ноги. Дворецкий успел зацепиться и повиснуть на локте военного.

– Господин Винсент! Умоляю! Можно и мне с вами, послушать? Если уж его светлость желает со мной побеседовать особо, я должен знать, что ещё свалится мне на голову! О,



мои седины...

– Они в безопасности, клянусь вам. Поспешим, мэтр, ибо моя матушка в подобные минуты представляет большую угрозу, нежели гнев нашей светлости.

– Винс! – донеслось сверху. – Я жду!

Капитан Винсент Модильяни, молочный брат герцога д'Эстре, непревзойдённый фехтовальщик и первая шпага Галлии, блестящий офицер, отмеченный наградами Его Величества Генриха, только вздохнул.

– Иду, матушка!

\* \* \*

Марте было неловко так громко стучать башмаками по паркету. Видимо, герцогу это тоже не нравилось, потому что, едва за ними притворилась дверь опочивальни, он споро усадил девушку на низенькую кушетку, опустился на пол и собственноручно разул. Невольно придержал в руках женскую ножку, словно маленького дрожащего зверька. Ступня девушки была чуть меньше его ладони, узкая, изящная, и вид её не портил даже поношенный чулок. Одеть бы её как следует, подумал с внезапной нежностью герцог, обуть, причесать... и запереть, чтобы никто не видел, только он один. Погладил тонкую щиколотку, оценил узость приятной глазу лодыжки... впрочем, дальнейших исследований не затевал. Всё увиденное и услышанное, касаемое Марты, само по себе

давало почву для размышлений.

Брезгливо подхватив двумя пальцами грубые сабо, его светлость соизволил отправить их в незажжённый камин. Марта проводила обувь растерянным взглядом.

— А в чём же мне ходить?

— Найдём в чём, не волнуйся. Босой не останешься.

Он оглянулся в некотором раздражении: куда запропастились новые горничные? Впрочем, хорошо, что пока никто не явился, ему нужно будет кое-что объяснить, чтобы впоследствии между ним и Мартой не было недоразумений. Подсел к девушке. Замаялся, не зная, как осветить столь деликатный вопрос.

— Послушай, Марта... Не так давно я слегка... погорячился в комнатах Анны; там сейчас невозможный беспорядок, подождём, пока всё обновят. Тебе какое-то время придётся пожить вместе со мной. Видишь ли, будет подозрительно, если я, столь обрадовавшись возвращённой супруге, поселю её в комнате для гостей. Ты... не возражаешь?

Марта уже привычно изумилась. Всё у него не как у людей. У кого он спрашивает согласия, у простолюдинки?

— Я? Возражаю? Ваша светлость, так ведь супруги и должны жить вместе, как и полагается!

Она даже не подозревала, какую бурю в стакане воды вызвала её простодушная логика. Одна половинка души герцога, более плотоядная и охочая до жизненных радостей, возликовала; другая, совестливая, застыдилась собственной ра-

дости.

– Вы что, и впрямь спали раздельно? – поразилась вдруг Марта. – А, простите, ваша светлость, этак только у вас в доме заведено, из-за того, что не ладили, или вообще у всех господ?

– Э-э... Видишь ли... Скажем так: заведено у людей, достаточно обеспеченных, чтобы содержать большой дом со множеством комнат. Это удобно – иметь собственную спальню и собственную кровать, в которой никто не пихается и не толкает в бок. – Герцог задумался. Объяснение показалось ему несколько натянутым. – Марта, в высшем обществе несколько... м-м-м... иное отношение к браку. Понимаешь, довольно часто женятся и выходят замуж за связи, за приданое или будущее наследство, ради хорошей партии, наконец. Кому-то нужно пробиться в свет, но нет титула, зато есть большие деньги, за которые можно сосватать дочь обедневшего дворянина, без гроша, но с родословной. В таких условиях редко пылают друг к другу искренними чувствами. Иногда мужу и жене лучше всё-таки жить обособленно... раздельно, я хотел сказать. Меньше склок.

Она кивнула.

– Ты действительно поняла? – недоверчиво уточнил герцог.

Марта вздохнула.

– Можно подумать, только господа по расчёту женятся. У нас ведь то же самое: бывает, что богатый да невзрачный ку-

пит себе молодую невесту, а потом порет почём зря за то, что на молодых поглядывает. – Пока его высочество приходил в себя, изумляясь столь оригинальной трактовке, Марта спросила о наболевшем: – А что, и впрямь каждому-каждому свой угол? Может, и детишкам тоже?

– Для них выделяется особая комната, детская, – медленно сказал герцог. Он вдруг вспомнил крестьянские избы, в которые ему приходилось заглядывать: теснота, скученность... Какая всё-таки пропасть разделяет их миры! – Или несколько комнат, потому что вместе с малышами живут их няни и кормилицы. Когда подрастают – ребёнку выделяется собственная спальня.

Марте всё не верилось. Она хотела узнать, а для чего нужны кормилицы, но постеснялась. Уточнила только:

– Тоже каждому?

– Иногда одна общая для мальчиков, общая для девочек. В зависимости от достатка родителей. У меня, например, была...

«У нас, например, будет...» – вдруг захотелось ему сказать. У нас будет прелестная детская, полная света, игрушек, цветов, книжек, зайдя в которую можно будет оглохнуть от радостного ребячьего вопля. Чтобы там копошилось на коврах не менее трёх... нет, четырёх... неважно, мальчиков или девочек, лишь бы были. Даже если родятся одни дочери – он уговорит Его Величество Генриха пересмотреть закон, дабы герцогскую корону возможно было наследовать первенцу,

независимо от пола. Он...

Лёгкий дробный топот за дверью прервал его грандиозные замыслы. Две перепуганные девушки протиснулись в полуоткрытую дверь. Герцога всегда раздражала эта манера прислуги – входить боком, через еле видимую глазом щёлочку. С досадой он сделал знак подойти.

Встал. Бросил коротко:

– Ванну госпоже. Приготовьте постель, ей нужно отдохнуть с дороги. Завтрак. И далее не беспокоить, пока не позовёт.

Поспешно присев в книксене, девушки разбежались в стороны. Одна скрылась за дверью, ведущей в ванную комнату, другая резво принялась взбивать подушки и перестилать простыни на... Марта проморгалась. Это вот на этой кровати, что ли, герцогу тесно спать с кем-то вдвоём? Да там десятерых уложить можно! Но всё-таки он правитель, не замухрышка какой-нибудь, у него всё в доме должно быть и больше, и красивее... Только на таком-то ложе страшно потеряться, ей-богу. Украдкой покосилась на тахту, на которой сидела. Ничего, Марта, маленькая, ей места совсем немного нужно, она как-нибудь и здесь поспит. Дождётся, когда все уйдут – чтобы не судачили о её странностях – и переберётся...

– Иди-ка сюда, – герцог поднялся, потянув её за собой. – Кое-что объясню. Вот смотри: шнурок над кроватью в изголовье, дёргаешь – и к тебе приходит кто-нибудь из этих ми-

лых девушек. Проси всё, что тебе заблагорассудится, делай, что пожелаешь, а если в чём-то сомневаешься или хочешь узнать – спрашивай, не стесняйся, тут везде полно людей. Ты, – он выделил это слово, – ты, Анна, здесь госпожа. И пусть только кто посмеет...

Горничная за его спиной побелела, прижав к груди подушку.

– Не надо, ваша светлость, – Марта робко тронула его за рукав. – Если все здесь так же добры, как и вы – со мной всё будет хорошо.

У герцога дёрнулась щека.

«Так же добры, как и вы...»

Вошла, наконец, и матушка Аглая, запыхавшаяся, покрасневшая и заметно умягчённая. Уж эта-то не стеснялась открыть дверь нараспашку, и недаром: была она тут некоронованной королевой собственного государства, со своими подданными, маленьким войском, дознавателями... и даже, порой, палачами. Нет – экзекуторами, потому как до смертоубийства, конечно, не доходило, Боже упаси, но спуску нерадивым и болтливым здесь не давали.

– Ваши светлости? – вопросительно наклонила голову. – Вам подходят эти девушки?

– Они не прислуживали... э-э... той? – герцог был в явном затруднении с определением, но Аглая понятливо кивнула.

– Близо не подходили. Вы же знаете, она терпеть не могла рядом с собой хорошеньких.

И посмотрела украдкой на Марту. Та лишь сделала большие глаза, не понимая намёков.

– Отлично. – Герцог не заметил их переглядываний. – Вот что, матушка Аглая, мне пора ехать. Оставляю Анну на вашем попечении и надеюсь... – Выразительно приподнял бровь.

– У неё не будет повода жаловаться, ваша светлость, будьте уверены. – Взгляд домоправительницы ещё раз прошёлся по чересчур истончённой фигурке в белом атласном платье, изрядно помятом и потерявшим былую пышность; отметил и сабо, сиротливо осевшие в каминной золе. – Раз уж вы распорядились насчёт ремонта, может, заодно снимете печати с комнат вашей... той женщины, что считалась вашей супругой? Мы бы подобрали госпоже что-нибудь из её гардероба.

– Н-нет, – процедил герцог и вдруг побледнел, как всегда было в последнее время при упоминании об Анне. – Моя жена не будет в *этом* ходить. Ни лоскута, ни пуговицы от той обманщицы не должно её коснуться. Вы поняли? Всё сжечь.

– К-конечно, ваша светлость, – помедлив самую малость, отозвалась домоправительница. – Как скажете.

– И чтоб я не слышал больше никаких упоминаний о той, пришлой. Никаких сравнений, злословий и шепотков, как это бывает у вас, женщин, слышите?

– Конечно, ваша светлость.

Герцог вдруг улыбнулся.

– Спасибо, матушка. Я всегда знал, что на вас можно по-

ложиться.

И, несмотря на то, что в душе у Аглаи творилось чёрт знает что, она улыбнулась в ответ своему молочному сыну.

– На кого же ещё вам опереться, ваша светлость... Разве что на моего оболтуса да того старого франта, что каждый день так трясётся над своими седидами? Езжайте спокойно по своим делам, ничего тут с вашей душечкой не случится.

Герцог от души чмокнул Аглаю в румяную крепкую щёку и получил незаметный, но чувствительный тычок в грудь. И это он ещё дёшево отделался; бедняге Винсенту наверняка досталось, как всегда, за двоих.

«Марта!» – едва не позвал он, но вовремя спохватился. Демоны... Нельзя путать имена. Хотя и не хочется даже упоминать о постылой супруге, но надо подстраиваться под обстоятельства. Нежно обнял затрепетавшую девушку.

– Анна, я уезжаю. Постарайся не скучать без меня. Жди к вечеру.

Она вспомнила, куда и зачем необходимо ему вернуться, и побледнела.

– Будьте милосердны, ваша светлость, – шепнула. Не потому, что пожалела ту, другую – вот уж чего не хватало! – а просто не хотелось, чтобы он запятнал себя излишней жестокостью.

– Я буду творить суд, Анна. Не проси о том, кого не знаешь.

– Тогда судите праведно, Жиль... Жиль-берт.



Сердце герцога забилося чаще.

– Обещаю, дорогая.

Отстранившись, он попрощался с Мартой взглядом. Показалось, что поцелуй он её, даже невинно, в щёку, как только что Аглаю – и осыплется тот мостик, который она сама – сама! – попыталась сейчас построить между ними. «Жильберт!» – звучало в ушах. Его имя отчего-то давалось ей с трудом; да уж, рабскую сущность трудно из себя выцедить, придётся капля по капле... Впрочем, рабского в ней нет, одёрнул себя герцог. Нет. Просто этой врождённой чистоте и невинности трудно обращаться по имени к мужчине, который всего несколько часов назад выкручивал ей руки, а теперь вдруг стал её мужем. К человеку, которого она не знает совершенно. К властителю. Вельможи-то иногда дрожат и бледнеют в его присутствии, а она...

«Будьте милосердны».

Он шёл по просторному коридору крыла, не замечая ни кланяющихся лакеев, ни того, как обернулось на его шаги несколько человек, столпившихся перед комнатой бывшей жены... Впрочем, последних герцог отметил боковым зрением и замедлил шаг. Машинально провёл камнем обручального кольца по заговорённой печати на косяке. Та исчезла.

...К тому же, в ней ещё остаётся вбитая с младенчества привычка почитать тех, кто выше – по происхождению, по достатку... господ, одним словом, продолжал он мысленно. И ничего с этим не поделать, таков порядок вещей. Каждому

свое, и неизвестно, кому хуже: им – бесправным, но имеющим единственную заботу о хлебе насущном, или ему, сиятельному, изо дня в день разгребающему дерь... Почему-то даже мысленно он не смог выразиться крепко. Ему вспомнились несколько словечек, сказанных в запале при Марте – и стало невероятно стыдно. Никогда больше, хотя бы при ней... никогда.

– Ваша светлость! – Его догонял задыхающийся дворецкий. Герцог сдержал шаг. Что ж, удачный момент отыграть ещё одну сцену.

– Вот что, метр Франсуа... – Силком усадил старика в ближайшее кресло, коих на случай наплыва гостей было расставлено вдоль стены широкого коридора преизрядно. – Да вы отдохните, не в вашем-то возрасте прыгать, как зайцу...

Подтащил кресло и для себя и уселся рядом. Продолжил, понизив голос:

– Я хотел бы поговорить с вами об Анне – теперешней Анне, которую вчера привезли из-за забытой богом приграничной деревушки, приняв за ту, что выдавала себя за неё. Франсуа, – он намеренно опустил обращение «мэтр», справедливо полагая, что в данном случае это лишь подчеркнёт доверие. – Я знаю, каково всем вам пришлось в последний год при общении с *той* женщиной, и благодарю за терпение и выдержку. Но прошу: не позволяйте прошлым обидам излиться на мою настоящую жену. Тем более что сейчас она...

Герцог намеренно затянул паузу. Мэтр, точно знающий,

когда нужно вставить словечко, осторожно уточнил:

– Её светлость немного... не в себе?

– Не то чтобы немного, очень даже не в себе, друг мой. Похоже, поработал хороший менталист, может, и не один, девочке упорно внушали, что она не герцогиня в браке и не баронесса в девичестве, а простая деревенская глупышка. И вбивали это знание не только внушением. – Он горько усмехнулся. Надо же как-то оправдать следы от розог на теле чудом спасенной супруги. Господь простит напраслину, это для её же блага. – Думаю, что со временем она поправится. Всё, что от нас нужно – это терпение и такт, такт и терпение. Остались ли они у вас после общения с прежней, лже-Анной?

– Ваша светлость! – на глазах пожилого дворецкого выступили слёзы.

– Вижу, что остались. Надеюсь на вас, друг мой. И помните, о чём я вас предупреждал.

– Ни единого лишнего слова, ваша светлость. Лично рты позашиваю, если что дурное услышу. Конечно, – замялся преданный слуга, – трудно будет... после всего, что госпожа вытворяла...

– Мягче, мягче с людьми, Франсуа. Думаю, суровые меры не понадобятся: совсем скоро все увидят разницу между прежней герцогиней и этой. Прощайте, старина. – Герцог поднялся, дружески потрепал мэтра по плечу. – До вечера.

– Да благословит вас Бог, ваша светлость... – пробормо-

тал управляющий. – Никто из тех, кто осуждает вас за глаза, не знает вашей истиной доброты.

– Да вы что, сговорились? – Герцог так растерялся, что едва не вышел из тщательно продуманного образа. Спохватившись, отвернулся в показном смущении. Надо уходить, пока кто-нибудь ещё не заикнулся о его доброте.

Но вдруг кое-что вспомнил.

– Вот что, – сказал замедленно. – Теперь о другом. Ты, конечно, покажешь ей дом, осветишь здешние порядки, расскажешь, куда можно ходить, а куда... не рекомендуется. И госпожа Анна, естественно, будет задавать вопросы, она ведь любопытна, как все женщины. Ничему не удивляйся, помни, что не она, а другая жила здесь вместо неё всё это время. Ничего не замалчивай, кроме одного: если даже случайно речь зайдёт обо мне – не говори, кто я такой. Понял?

Мэтр посерьёзnel.

– Да, ваша светлость. Неужели... – Оглянулся: не слышит ли кто. Докончил шёпотом: – ...вы так и не открылись?

– Я собирался, когда год назад выезжал из Фуа. Хотел поговорить с ней об этом здесь, в Гайярде. Но сюда приехала совсем другая женщина, вздорная, с резко испортившимся характером, она уже не внушала мне доверия. А этой – я сам скажу, когда придёт время.

– Всё понял. Ни слова. Ни полслова. Ни намёка. Будьте уверены.

Откинувшись на спинку сиденья, его светлость уставился невидящим взором в окно кареты.

«Будьте милосердны...»

Благословенна ты, девочка, как истинная миротворица. Но только своим чистым умишком ещё не понимаешь, что миру нужны не только святые, но и золотари.

– Винс, – герцог, наконец, перевёл взгляд на капитана. – Ты ещё жив? Как тебе удалось отделаться столь малым? Я думал, тебя ждёт выволочка за нас обоих, как во времена нашей греховной юности, однако матушка освободилась достаточно быстро. Чем ты её обезоружил?

Синеглазый усмехнулся краешком рта.

– Я и не пытался. Изложил кратко всё, что мы обговаривали, и, не давая опомниться, посоветовал – нет, крайне настоял – ближайшие три-четыре дня не давать новой герцогине слишком много еды. Кормить понемногу, но чаще, и желательно – самой простой пищей. Похоже, что девочка наголодалась. Когда матушка это осознала – поверь, это оказалось самым убедительным доводом.

Капитан умолк. В глазах его стоял невысказанный упрёк.

Демоны, дьяволы и все вместе взятые... Герцог даже зазмурился. Как он об этом не подумал? Видел же трогательно торчащие – теперь-то осознал, что нездорово торчащие – лопатки, выпирающие позвонки, острые ключицы... У неё

даже кольцо болталось на пальце, а не сидело прочно. Уже тогда можно было понять, что малышка недоедала. А если бы ей принесли на завтрак то же, что и Анне? Та с самого утра выезжала верхом, нагуливая зверский аппетит, а затем сметала со стола всё, как здоровый мужчина: и омлеты с грудинкой и грибами, и жареные колбаски, истекающие жиром, и цыплят в остро-сладком соусе... Страшно представить, что случилось бы с желудком, непривычным к такому изобилию.

– Спасибо, что позаботился об этом, Винс. Я как-то не подумал.

– Просто я чаще бываю в деревнях, Жиль.

Лишь оставаясь один на один, как сейчас, капитан позволял себе обращаться к молочному брату просто по имени и на ты. Годы, когда они вместе росли, учились, совершали набегі – сперва на окрестные сады, а затем и на местных дев – давно миновали. Братство душ оставалось, но надёжно пряталось от посторонних, дабы не давать никому лишнего повода усомниться в боевых заслугах одного и непредвзятости другого.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.